

Жан-Филипп Арру-Виньо

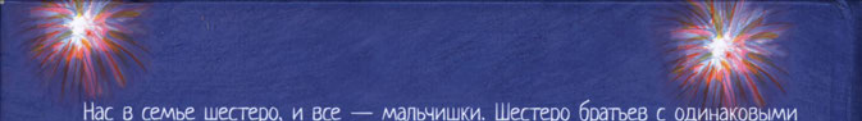
Шашлычок из редисок

Приключения семейки из Шербура

Компанија
издателски дом

Нас в семье шестеро, и все — мальчишки. Шестеро братьев с одинаковыми оттопыренными ушами и одинаковым вихром на макушке.

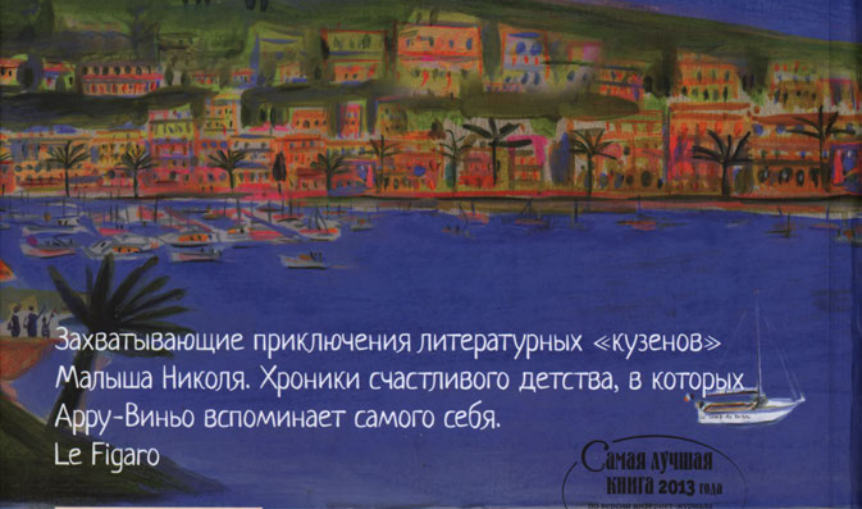
Когда у тебя так много братьев, кажется, будто ты — всего лишь один из экземпляров в коллекции пластмассовых фигурок. По воскресеньям, когда мы все вместе выходим из дома, прохожие оборачиваются и таращатся на нас. Они нас мысленно пересчитывают по несколько раз подряд и делают огромные глаза — наверное, думают, что стали жертвой оптического обмана.

— Это всё ваши мальчишки? — спрашивают они.

— Да, а что? — спрашивает в ответ мама.

— Какая замечательная семья! — восклицают они таким тоном, как будто бы стали свидетелями землетрясения или железнодорожной катастрофы...

А вообще, если хорошенько подумать, шестеро детей — это иногда даже удобно. Например, когда у тебя есть братья, убирать со стола или выносить мусор приходится гораздо реже, чем тем, у кого их нет.

Захватывающие приключения литературных «кузенов» Малыша Николая. Хроники счастливого детства, в которых Арру-Виньо вспоминает самого себя.

Le Figaro

Самая лучшая
книга 2013 года
по версии авторитетных журналов
Паттамбук

ISBN 978-5-00083-593-7

9 785000 835937 >

ЕАС

Jean-Philippe Arrou-Vignod

Une belle brochette de bananes

Histoires des Jean-Quelque-Chose

Illustré par Dominique Corbasson

GALLIMARD JEUNESSE

Жан-Ришар Ару-Виньо
Шашлычок
из редисок
Приключения семейки из Шербурра

Иллюстрации Доминик Корбасон
Перевод с французского Иры Филипповой

УДК 821.133.1-053.2

ББК 84(4Фра)

А84

Арру-Виньо, Жан-Филипп

А84 Шашлычок из редисок. Приключения семейки из Шербур : [для сред. шк. возраста : 6+] / Жан-Филипп Арру-Виньо ; ил. Доминик Корбасон ; пер. с фр. Иры Филипповой. — 2-е изд., стереотип. — М. : КомпасГид, 2019. — 128 с. — Доп. тит. л. фр. ISBN 978-5-00083-593-7.

Шесть Жанов в шестой раз предстают перед российскими читателями во всей красе: подбрасывают в семейный фотоальбом хулиганский снимок, подкалывают друг друга и папу, пускают фейерверки в память о прекрасном лете. Скучно им не бывает ни секунды — даже несмотря на то, что старшим братьям, Жану А. и Жану Б., пора взрослеть и становиться серьёзными. Долгожданный «Шашлычок из редисок» — новая книга серии, включающая специальное приложение: «Ежегодный журнал», сохранивший лучшие моменты из жизни шербурской семейки.

Приключения у Жанов рождаются на ровном месте: игра в морской бой перерастает в перестрелку бумажными шариками, просмотр зимней Олимпиады становится прологом к лыжному спуску спиной вперёд, а принесённые в дом улитки предвещают появление черепашки, дрозда, шиншиллы, kota и, в конце концов, гиперактивного пса Дика. Шестеро братьев, конечно, и сами горазды создать много шума из ничего, но всем им далеко до папы: вот кто настоящий возмутитель спокойствия, вот из-за кого их жизнь постоянно бурлит и меняется! Только благодаря маме, у которой всегда всё под контролем, царство Жанов и их отца не превращается в полный бедлам.

Писатель Жан-Филипп Арру-Виньо — он же Жан Б. — убеждён: детская литература должна отвечать на вопросы, а взрослая — задавать их. По мере того, как старшие Жаны приближаются к подростковому возрасту, всё больше вопросов остаются без ответа: почему, например, ты радуешься окончанию любимых летних каникул? Не может ведь дело быть в разлуке с Элен? И именно здесь, на пороге взросления героев, автор останавливает повествование: прекрасные детские ощущения безграничных возможностей, стабильного и нерушимого счастья — именно их он сохраняет в своих книгах.

Первый «взрослый» роман Жан-Филипп Арру-Виньо опубликовал в 1984-м, получил за него премию «Лучший дебют», а через пару лет выпустил вторую книгу — детскую. И по сей день француз за бросает между этими крайностями; что, кажется, благотворно влияет и на детские, и на «взрослые» его произведения. Сегодня Арру-Виньо автор около 30 книг, заведует отделом детской литературы в крупном французском издательстве «Галлимар».

По духу «Приключения семейки из Шербур» напоминают знаменитого «Малыша Николы» Рене Госинни и Жан-Жака Сампэ: герои «Семейки» — те же веселые, неугомонные мальчишки, которые так и норовят что-нибудь натворить. Вся серия оформлена в едином стиле и проиллюстрирована Доминик Корбасон, чьи работы можно увидеть в журналах *Cosmopolitan*, *Madame Figaro* и *Vanity Fair*. Лёгкая, ироничная манера французской художницы дарит читателю дополнительные поводы улыбнуться — которых, впрочем, и в тексте немало. Книга насыщена не только анекдотичными эпизодами, но и приметами времени и фактами из истории Франции 1960–1970-х гг., что делает её увлекательной и познавательной для любых возрастов.

УДК 821.133.1-053.2

ББК 84(4Фра)

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного согласия издательства. Интересы издательства «КомпасГид» представляет юридическое агентство «Копирайт» www.juragent.ru.

Originally published as “Une belle brochette de bananes”

© Gallimard Jeunesse, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом

«КомпасГид», 2016

ISBN 978-5-00083-593-7

Загадочный снимок

— Господа, — прогремел папа, — жду вас всех в гостиной. Живо!

Была суббота, в Шербуре шёл дождь, и, судя по тому, как папа произнёс слово «господа», ясно было, что ничего хорошего нам не светит.

Обычно по субботам у папы прекрасное настроение. Во-первых, потому что мы все уходим в школу — ну, то есть все, кроме Жана Е., — и папа может спокойно посидеть дома один, послушать классическую музыку или что-нибудь починить, не опасаясь, что мы будем путаться под ногами. Во-вторых, это единственный день на неделе, когда папа встречает нас после уроков. Ровно в половине пятого открываются ворота школьного двора, и мы ещё издали замечаем его трубку, из которой летят куда-то в небо весёлые колечки дыма.

Наш папа — не только очень хороший врач, он ещё и очень высокий человек. Если взглянуть вот так со стороны, то все остальные папы по сравнению с нашим просто какие-то папылилипуты. Папа забирает у нас ранцы, и мы не спеша идём домой, по дороге рассказывая ему обо всём, что произошло за неделю. Иногда мы застреваем в толпе перед витриной магазина

электротоваров и смотрим кусочек футбольного матча на экранах телевизоров, выставленных на распродажу, и потом нам приходится бежать, потому что приближается время полдника, и мама будет сильно волноваться, если мы опоздаем.

В ту субботу, как только за школьными воротами замаячило папино лицо, мы сразу догадались, что дела наши плохи. Папа так сильно сжимал губы, что, казалось, было слышно, как трещит трубка у него во рту.

Всю дорогу до дома мы шли молча и еле попевали за папой, а когда все собрались в гостиной, он так оглушительно хлопнул дверью, что малыш Жан Е. завопил на другом конце квартиры.

— Это не я, — пробормотал Жан В., хотя было ещё неясно, в чём нас обвиняют.

— Что? — переспросил папа.

— Да меня там даже не было! — продолжал отпираться Жан В., сам не зная от чего.

— Меня тозе! Меня тозе там не было! — прошепелявил Жан Д., который не выговаривает многие буквы.

— Больше ни звука! — скомандовал папа. — Будете говорить, только когда я вас спрошу, понятно?

Мы с Жаном А. тайком переглянулись, со скоростью света перебирая в голове, что же такого мы натворили, чтобы так сильно разозлить папу.

Обычно по субботам, пока мы делаем уроки, папа усаживается в столовой с тюбиком клея, двусторонней клейкой бумагой, ножницами и последними фотографиями, которые сам отснял. Каждый год он начинает новый альбом и сопровождает снимки короткими подписями: «Жан Б. стал старше на год!», «Рождество в “Золотой Горе”», «Приезд бабушки Жана и бабушки Жанет», «Новая машина»...

Папа обожает возиться с этими своими альбомами. Фотографии у него рассортированы не хуже, чем наклейки в моей коллекции, и каждую страницу защищает лист кальки, который ни в коем случае нельзя сгибать, когда переворачиваешь.

Мы сидим в своих комнатах и делаем уроки, а из гостиной до нас доносится, как папа напевает: «Пам-пам-пам!»

Но в этот день папе определённо было не до «пам-пам-пам».

— Сегодня по дороге в школу я зашёл в ателье за фотографиями, — начал папа мрачным голосом. — За теми, с прошлого воскресенья, помните? Я фотографировал во время нашей увлекательной экскурсии по романским церквям региона, пока вы все слонялись с недовольными физиономиями... Мастер в ателье страшно веселился, когда отдавал мне снимки. А вот мне было не до смеха!

Папа перевёл дыхание, и мы впятером успели переглянуться.

— Не будете ли вы так любезны объяснить мне, что делает ЭТО среди фотографий монастырей и Мадонны с младенцем?!

Он достал из конверта фотографию, напечатанную на глянцево-бумаге, и сунул её нам под нос. Безумный хохот, который до этого момента мне худо-бедно удавалось удержать внутри, теперь с бульканьем и клочкотанием вырвался наружу.

— Это луна? — спросил Жан Г., выпучив глаза.

— Летящая тарелка? — предположил Жан В.

— Не совсем, — проговорил папа, ущипнув себя за переносицу.

Рядом со мной Жана А. так мощно трясло, как будто он сунул пальцы в электрическую розетку.

— На данном снимке, уважаемые господа, изображена задница, — произнёс папа, прилагая неимоверные усилия, чтобы держать себя в руках. — Зад одного из вас. Того, кто решил, что будет очень забавно сделать такой снимок, воспользовавшись для этого моим фотоаппаратом, взятым без разрешения специально для того, чтобы запечатлеть для истории самую мясистую часть своей анатомии!

Понятное дело, изображение было слегка размытым. Не так-то просто стащить с себя штаны и вслепую сфотографировать собственную задницу! И только Жан В. мог принять этот предмет за летающую тарелку.

— Господа, я два раза спрашивать не буду, — проговорил папа. — ЧЬЯ ЭТО ЗАДНИЦА?

Ответом ему была мёртвая тишина.

— Отлично, — произнёс он со вздохом. — Тогда я немедленно отправляю вас всех в интернат для детей военно-служащих.

— А с чего ты, собственно, решил, что это обязательно мы? — попытался возразить Жан А. — Что, если это тип из фотоателье взял и...

— Конечно, любой за день может так устать, чтобы не отличить задницу родного ребёнка от чьей-то ещё, — проворчал папа. — Но я всё-таки до такого ещё не докатился!

— А кто такой задень? — спросил Жан Д.

— Отставить глупости! — взорвался папа, по которому было видно, что он сейчас не расположен шутить на тему омофонии. — Я в последний раз спрашиваю: чья это задница?

— Жана Б., — заявил Жан В. — Я его по пижаме узнал.

— Чего? — возмутился я. — А ну повтори!

На фотографии действительно смутно виднелись спущенные штаны. Но опознавательный знак это был не лучший, поскольку пижамы у нас у всех одинаковые. Мама заказывает их по каталогу «Современная семья»: шесть полосатых пижам, похожих на арестантские робы братьев Дальтонов из комиксов про Счастливого Люка.

— Спорим, это Жан В.! — прошепелявил Жан Д., вглядываясь в фотографию с видом заправского сыщика. — Из нас пятерых только у него такая зырная попа!

— У меня жирная попа? — возмутился Жан В.

Щёки у него покраснели, как два помидора, и трудно было предположить, что человеку с такими румяными щеками может принадлежать такая белая задница.

Но если хорошенько подумать, от Жана В. вполне можно было ожидать подобной выходки. Он мог это сделать, например, из мести.

Когда Жану В. исполнилось пять лет, папа сделал его портрет, но у бедняги Жана В. было тогда так мало зубов, что на фотографии его улыбка больше напоминала старую беззубую расчёску, чем человеческий рот. Жан А. грозился показать этот снимок будущей невесте Жана В., и тот, чтобы избежать позора, некоторое время назад тайком вытащил снимок из альбома. Папа обнаружил пропажу, потому что в альбоме на этом месте зияла пустота, и Жану В. тогда хорошенько влетело.

Но Жан В. завопил:

— Честное слово, я впервые вижу эту ж...

— Что-что? — перебил его папа, грозно подняв одну бровь.

— Э... Я хотел сказать, что эта жуткая фотография не имеет ко мне никакого отношения! — исправился Жан В.

— Так-то лучше, — сказал папа. — Я даю вам десять секунд на то, чтобы виновный признался. Если же этого не произойдёт... Если этого не произойдёт...

Угроза повисла в воздухе у нас над головами и висела там несколько секунд. Мы все задержали дыхание в ожидании приговора, и, когда он был наконец обнародован, воздух из моих лёгких вышел весь разом, как из пробитого футбольного мяча.

— Так вот, — наконец провозгласил папа. — Вы все будете лишены телевизора до тех пор, пока я не передумаю.

Худшего наказания мы и представить себе не могли.

— Всё равно ведь у нас нет телевизора, — робко заметил Жан А., у которого на лице было сейчас примерно такое же выражение, какое бывает у отрубленной головы.

— У нас его нет из воспитательных соображений, обсуждать которые в данный момент я не намерен, — начал папа. — Но больше никаких походов в гости к друзьям, чтобы посмотреть «Зорро», пока автор этой несмешной шутки не признает свою вину.

Жан А. побледнел.

— Но это несправедливо, — запротестовал он. — Почему мы должны страдать из-за средних?

— Точно! — поддержал его я. — Это задница кого-то из средних, и любой, у кого есть глаза, это поймёт!

— У задниц не бывает глаз, чтоб ты знал! — выступил Жан Г.

— И очков у них тоже не бывает, — развеселился Жан В. — Очень жаль, а то мы бы сразу узнали подслеповатую задницу Жана А.!

— А ну повтори! — прорычал Жан А.

Папа оставался неумолим.

— Ну что ж, прекрасно, — сказал он, помещая фотографию в альбом. — Поскольку наш подпольный художник не решается признаться в авторстве, отправляйтесь в свои комнаты. Конечно же, отныне никакого бассейна и никакого ужина до тех пор, пока вас всех не постигнет голодная смерть. Вопросы есть?

Вот это было действительно ужасно, потому что по субботам после бассейна мама готовит пирожки с сыром. Это моё любимое блюдо, и я уже слышал, как мама на кухне возится с противнем: укладывает на него маленькие маслянистые сырные шарики.

Понурился, мы гуськом вышли из гостиной, подгоняя друг друга пинками.

— И чтобы без драк! — крикнул нам вдогонку папа. — А то вы у меня попляшете!

— Ну, средние за это заплатят! — ворчал Жан А., забираясь на верхний ярус нашей двухэтажной кровати. — Я должен был сегодня сдавать экзамен по брассу...

Он рухнул на постель, сетка под матрасом опасно взвизнула, и в дальний конец комнаты полетели сброшенные Жаном А. ботинки.

— Не забывай, что это из-за твоей задницы мы все наказаны, — напомнил ему я, падая на свой нижний ярус.

С верхней кровати свесилась перевернутая физиономия Жана А. с выпученными от возмущения глазами.

— Что?! — проревел он. — Может, ещё скажешь, что тебя со мной тогда не было?

— Но это ведь твоя задница, а не моя.

— Твоя хилая задница даже на плёнке не отпечаталась бы, — усмехнулся он и швырнул мне в лицо грязный носок.

— Сам хилый, понял? — ответил я и сдёрнул с него одеяло.

— Хочешь, чтоб я спустился и навалял тебе? — спросил он.

— Только попробуй!

Мы ещё немного позадирали друг друга, а потом взяли книжки и пару часов провели в полнейшем безмолвии.

Ни он, ни я не смогли бы толком объяснить, с чего всё тогда началось.

В прошлое воскресенье, когда мы вернулись с прогулки, у всех просто пар из ушей валил от этого романского искусства. Папа и мама обожают образовательные походы. Мы весь день бегали под проливным дождём по церквям и слушали, как мама воодушевлённо зачитывает вслух одну за другой все страницы из путеводителя, где говорилось что-нибудь о сокровищах средневековой Нормандии.

В ту ночь мы с Жаном А. проснулись и пошли на кухню попить, и вот там-то нам и попался на глаза он — папин фотоаппарат фирмы «Кодак».

Папа в этом своём фотоаппарате просто души не чает, носит с ним как с писаной торбой. Это мама ему подарила камеру на день рождения — вместе с кожаным коричневым футляром на ремне, который можно вешать через плечо, механизмом автоспуска и особой замшевой тряпочкой, чтобы протирать объектив и не поцарапать его.

С тех пор как Жан В. нечаянно открыл корпус фотоаппарата и испортил плёнку с фотографиями наших летних каникул, нам строго-настрого запрещено прикасаться к камере. Но уж в ту-то ночь мы, конечно, не удержались, и схватили её, и стали делать вид, как будто фотографируем друг друга. Мы кривлялись как сумасшедшие и, ясное дело, заигрались не на шутку.

— Хочешь увидеть такую романскую церковь, о которой в мамином путеводителе нет ни слова? — вдруг воскликнул Жан А.

Я даже ответить ему не успел, а он уже стянул с себя пижамные штаны и сфотографировал сам себя сзади, крупным планом.

— Ты что, сдурел? — закричал я. — Папа ведь нас убьёт!

Но мы всё равно оба страшно расхохотались, прямо до слёз.

— Не волнуйся! — успокоил он меня. — Мы скажем, что это зад Жана В.

Ни Жан А., ни я так и не нашли в себе смелости признаться. И вот теперь нам всем предстояло умереть от голода, сидя по своим комнатам и вдыхая аромат пирожков с сыром, который уже вовсю полз по дому.

— Из-за твоих идиотских шуточек мы пропустим все новые серии «Зорро», — сказал я и пнул ногой матрас Жана А.

— И «Звёздный цирк», — простонал он в ответ, прежде чем шарахнуть меня подушкой-валиком по голове. — И если мы в бассейн не пойдём, ты тоже виноват!

— Хочешь, чтобы я к тебе поднялся? — пригрозил я.

— Ой, напугал!

— Всё равно ты плаваешь как картофелина, — заметил я. — И ни за что не сдал бы экзамен по брассу.

— Посмотрим, как ты запоёшь, когда меня примут в отряд боевых пловцов!

— С твоими-то толстенными очками? Да на них плавательная маска не налезет!

— Нашёлся смелый ныряльщик! Это случайно не у тебя на днях закружилась голова на вышке? И случайно не ты спустился с неё по лестнице стоя на четвереньках?

— Я не желаю слушать рассуждения того, кто фотографирует собственную задницу, — ответил я.

Из соседней комнаты до нас доносились глухие удары. Это Жан В. и Жан Г. от души колотили друг друга. Меньше всех повезло Жану Д.: он живёт в одной комнате с Жаном Е., а тот,

будучи младенцем, почти всё время спит, и Жану Д. приходится скучать одному и совершенно не с кем подраться.

В общем, субботний денёк выдался на славу, ничего не скажешь.

Спустя некоторое время, когда я уже приближался к развязке очередной книги про Великолепную пятёрку, дверь в нашу комнату резко распахнулась.

Это был папа.

— Ёлки зелёные... — простонал Жан А. — Нас вычислили.

Папа, видимо, его не услышал, потому что в этот момент как раз откашливался, прежде чем объявить:

— В виде исключения наказание отменяется...

А потом добавил немного гундосо (наверное, ущипнул себя в этот момент за переносицу):

— Видимо, у мамы с чувством юмора дело обстоит лучше, чем у меня.

— А что с запретом на телевизор? — осторожно поинтересовался я.

— Посмотрим, — сказал папа. — А сейчас оба одевайтесь и отправляйтесь накрывать на стол. Пирожки вас ждать не станут!

— Спасибо, папа! — закричали мы хором и разом слетели с кроватей.

Вот это пронесло так пронесло!

Правда, папа скоро опять рассвирепел, когда обнаружил рисунок, который средние прилепили на свою дверь в отместку за несправедливое наказание. Это было объявление вроде тех, которые шерифы в ковбойских фильмах велят развесить повсюду, когда разыскивают чрезвычайно опасных преступников.

Вместо лица в центре объявления средние как сумели намазали зад, выглядывающий из воротника полосатой пижамы. А под рисунком накорябали кривыми буквами:

ВНИМАНИЕ, РОЗЫСК!
СЧАСТЛИВЧИК ДЖИН
КОВБОЙ, КОТОРЫЙ ПИРДИТ
БЫСТРЕЕ СОБСТВЕННОЙ ТЕНИ!¹
НОГРАДА 10 000 ДОЛАРОВ

— Узнаю Жана В.! — воскликнул Жан А., скорчившись от смеха. — Тот ещё грамотей!

В наказание за эту шутку Жану В. и Жану Г. пришлось по пятьдесят раз переписать фразы: «Я никогда, даже в шутку, не буду пользоваться грубыми словами» и «Мы говорим не «ковбой», а «пастух»».

И всё же, несмотря ни на что, фотография голой задницы Жана А. так и осталась в альбоме того года. Папа назвал её «Загадочный снимок». Бабушка Жанет была в ужасе, когда её увидела. А вот дедушка Жан, наоборот, хохотал от души — так

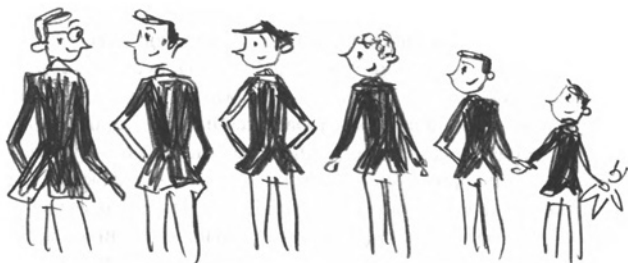
¹ Герой любимого сериала братьев Жанов — Счастливчик Люк — был известен тем, что «стрелял быстрее собственной тени» (хотя и не очень понятно, как такое может быть).

же, как и кузены Фугас и все остальные наши гости, которым папа за чашкой кофе показывал семейные альбомы.

— Жан А., дружище, что с тобой? — каждый раз спрашивал он, насмешливо затягиваясь трубкой. — Проглотил что-нибудь не то?

— Нет-нет, — бормотал Жан А. и, краснея как рак, вдруг вспоминал о том, что ему нужно немедленно идти к себе и доделывать суперсрочную модель самолёта.

Так ему и надо. Будет знать, как хвастаться самой мясистой частью своей анатомии.

Мы, Жаны

В дождливые дни, когда у меня не остаётся непрочитанных книг и неохота проигрывать Жану А. в «Монополию», я с удовольствием усаживаюсь за папины фотоальбомы.

Это такие здоровенные книги в картонной обложке, которые пахнут клеем и жидкостью для мытья стёкол. На самом деле так пахнет особое средство, позволяющее закрепить изображение, когда фотография только-только напечатана, оно так и называется — закрепитель. Альбомы хранятся на нижней полке книжного шкафа и стоят таким плотным рядом, что вынимать их нужно очень осторожно — иначе можно разорвать обложку.

Я называю их «Ежегодные журналы» — как те познавательные альманахи, которые дедушка Жан дарит нам каждый год на Рождество. В них печатают невероятные истории про охотников за крокодилами, освоение Америки и самых выносливых гонщиков Франции.

Наши журналы — почти такие же, если не считать того, что главные персонажи в них — мы, Жаны, и наша необычная семейка.

Нас в семье шестеро, и все — мальчишки. Шестеро братьев с одинаковыми оттопыренными ушами и одинаковым ви-хром на макушке.

Когда у тебя так много братьев, кажется, будто ты — всего лишь один из экземпляров в коллекции пластмассовых фигурок. По воскресеньям, когда мы все вместе выходим из дома, прохожие оборачиваются и таращатся на нас. Тем более что мы даже одеты одинаково: в английские пиджачки, фланелевые брюки и коротенькие галстуки, которые нам каждый год на Рождество дарит бабушка... Прохожие нас мысленно пересчитывают по нескольку раз подряд и делают огромные глаза — наверное, думают, что стали жертвой оптического обмана.

— Это всё ваши мальчишки? — спрашивают они.

— Да, а что? — спрашивает в ответ мама.

— Какая замечательная семья! — восклицают они таким тоном, как будто стали свидетелями землетрясения или железнодорожной катастрофы. — Но, когда целыми днями имеешь дело с шестерыми мальчишками, это, наверное, непросто...

— Ерунда! — отвечает мама с улыбкой. — Нужно лишь как следует всё организовать — и никаких проблем.

Мама и в самом деле всё прекрасно организовала: мы все родились с разницей в два года, поэтому нам очень удобно передавать друг другу одежду, из которой выросли, а ещё у нас у всех первая часть имени — Жан. Благодаря этому папе и маме не приходится ломать голову над тем, кого из детей звать накрывать на стол или убирать детали конструктора, рассыпанные по ковру в гостиной.

Каждый раз перед началом учебного года папа фотографирует нас парами: мы стоим взявшись за ручку двери и собираемся бежать в школу. На этих фотографиях мы похожи на связки альпинистов, собравшихся покорять Эверест: толстые рюкзаки за спиной и лица примерно такие же радостные, как у людей, попавших в снежный буран и испытывающих нехватку кислорода.

В «Ежегодном журнале» 1968 года мы всё ещё живём в Шербуре.

Вот этот, который построил рожу, — наш самый старший брат, Жан А. За то, что он вечно задаётся, мы прозвали его Жан-Аристократ. В тот день мы устроили в ванной сражение зубными щётками, поэтому стёкла его очков забрызганы зубной пастой.

Жан А. идёт в шестой класс. Он напустил на себя бравый вид, но лицо у него совершенно белое — ни дать ни взять таблетка аспирина. Он всю ночь скрипел зубами и сражался с подушкой и за завтраком не смог проглотить ни кусочка.

За ним стою я — Жан Б., или Жан Бонд. Ну, во всяком случае, я себя называю именно так. Что же до Жана А., тощего, как сложенный зонтик, то он называет меня Жаном Булкой — из зависти к моей мускулатуре.

Мы вдвоём ходим в одну и ту же школу. Но, поскольку Жану А. не хочется, чтобы его видели с мелкотой, мы решили на середине пути разделяться и приходить в школу с разных сторон, чтобы все думали, что мы никакие не братья, а так, сами по себе.

На этой фотографии мы оба выглядим не очень. Мама настаивала на том, чтобы перед первым сентября все мы сходили к парикмахеру.

«Как обычно, пожалуйста, — сказала она. — Побольше снимите над ушами».

И парикмахер обкорнал нас так, что теперь нам уже никогда в жизни не обзавестись новыми друзьями.

— Говори только за себя! — возмутился Жан А. — Меня-то сразу изберут старостой класса, вот увидишь!

— С твоими-то ушами? Смеёшься! Кто в здравом уме станет голосовать за Слонопотама?

На следующей фотографии — наши средние: Жан В. и Жан Г.

От Жана В. в кадр попали только спина и затылок. (В. — это первая буква в его характеристике: «Витает в облаках и никогда

ничего не понимает»). Он забыл портфель у себя в комнате и, конечно же, вспомнил об этом в тот самый момент, когда папа нажал на кнопку спуска фотокамеры.

Жан В. такой рассеянный, что вечно всё путает — даже не помнит, где у него левая рука, а где правая. В будущем он хочет стать снайпером. А пока коротает время тем, что мастерит себе снаряды из кусочков сложенного вдвое картона, натягивает резинку между большим и указательным пальцами (получается такая мини-рогатка) и с боевыми криками индейцев племени сиу обстреливает из этой рогатки всё, что движется.

Однажды они с Жаном Г. решили поиграть в Вильгельма Телля: Жан Г. положил себе на голову яблоко, Жан В. прицелился, прищулив левый глаз, и — паф! — выстрелил прямо в нос папе, который вошёл, никого не предупредив, к ним в комнату.

Ну и досталось же им тогда.

Четвёртым идёт Жан Г. — Гадский Гамадрил, Головная боль всей семьи.

На этот раз на фотографии в честь начала учебного года он выглядит образцовым ребёнком. Стоит по стойке смирно, руки по швам, на лице — милейшая улыбка, на щеках — две ямочки в форме запятых.

Только намного позже, уже вклеивая фотографию в альбом, папа с ужасом заметил, что выглядывало в то утро из ранца Жана Г.

Папа не поверил своим глазам.

— Ты взял с собой в школу флейту? — спросил он.

— Это не флейта, а духовое ружьё, — поправил его Жан В.

— Духовое ружьё? — повторил папа, на этот раз не веря своим ушам.

— Духовое ружьё Жана Б., — уточнил Жан В.

Жану Г. надо было как-то выкручиваться. Он изумлённо вытаращил глаза и воскликнул:

— Духовое ружьё?!

Можно было подумать, он впервые в жизни слышит это слово.
— Ну и ну! Наверное, кто-нибудь засунул мне эту штуковину в ранец, пока я отвернулся. Интересно, кто это был?!

Папа чуть не задохнулся от возмущения.

— Поздравляю, сынок, — проговорил он. — Значит, вот как мы начинаем учебный год. Скажи мне, пожалуйста, а почему ты не взял с собой в школу торпедодержатель или базуку?

— Таких у нас нет, — сокрушённо заметил Жан В., который неплохо разбирается в огнестрельном оружии. — Думаешь, мы могли бы попросить их на Рождество?

— И заодно винчестер Джоша Рэнделла? — спросил Жан Г.

— И винтовку Дэйви Крокетта? — подхватил Жан В.

Жан Д. тут же стал распевать мелодию из заставки к телесериалу, и даже трёхмесячный малыш Жан Е. не захотел оставаться в стороне: принялся пускать ртом пузыри, на слух напоминающие пулемётную очередь.

В итоге папино легендарное терпение, конечно же, лопнуло.

— Ещё одно слово, — рявкнул он, — и Рождество вы будете праздновать в лагере для детей военнослужащих! Я понятно выражаюсь?

Со средними всегда так: что бы они ни сделали, всё обязательно заканчивается плохо.

Младшие — это Жан Д., мы зовём его Зан Д. за то, что он не может нормально произнести собственное имя, и маленький Жан Е., которого все называют то Ежом, то Енотом, потому что он ещё совсем малыш и размером не больше этих животных.

В школу эти двое пока не ходят, но папа их всё равно сфотографировал у двери, как будто бы у них тоже начинается учебный год, — ну, чтобы они не завидовали нам, средним и старшим.

Накануне вечером, когда мама лущила на кухне горох, Жан Д. уселся перед ней и молча сложил руки на груди. Нижняя губа у него дрожала.

— Что случилось, малыш? — спросила мама.

— Это всё Зан А.! — прошепелявил Жан Д., всхлипывая. — Он сказал, сто я никогда не пойду в сколу, потому сто я сыпилявлю!

— Да нет, — успокоила его мама. — Ты совсем не шепелявишь, просто тебе не все звуки даются, вот и всё.

— Но я сто, сыпилявлю или присыпётываю?

Мама никогда не упускает случая расширить наш словарный запас.

— Дорогой Жан Д., — сказала она наставительным тоном. — Эти два слова — синонимы.

— А сто такое синонимы? — шмыгнул носом Жан Д.

— Ну, — с готовностью принялась объяснять мама, — это такие слова, которые означают одно и то же. Но ты не беспокойся, малыш: когда у тебя вырастут постоянные зубы, проблем с дикцией больше не будет.

— А сто такое диксия? — забеспокоился Жан Д.

— Это когда все намочили зубные щётки под краном, постреляли друг в друга пастой, а потом сказали маме, что зубы у всех почищены, — вмешался Жан В.

Никто не слышал, как он вошёл в кухню. Он взял из салатницы горошинку и — памс! — щелчком отправил её прямо в глаз Жану Д.

— Не совсем, — поправила его мама, которая больше не была уверена в том, что хочет обогащать наш словарный запас. — Ты путаешь с фикцией.

— Фиксия — это когда сыпилявис? — спросил Жан Д., одновременно отвесив пинок Жану В.

— Так... — произнесла мама. — А что, если вы оба отправитесь в свои комнаты до ужина?

— В медицине, сынок, — вдруг произнёс папа, в свою очередь появившийся на пороге кухни, — фикцией называют плацебо. Это такое, как бы тебе сказать, лекарство...

— Дорогой, по-моему, тут речь идёт совсем не об этом, — перебила его мама.

— Правда? — произнёс папа растерянно. — О чём же в таком случае идёт речь?

— Честно говоря, я перестала понимать о чём, — призналась мама.

— Речь идёт о юрисдикции, — помог Жан В.

— О шепелявости идёт речь, — поправил его Жан Г., тоже входя в кухню.

— Что-что? — окончательно запутался папа.

— Жан Д. не верит, когда ему говорят, что он шепелявит.

— Что я слышу? — воскликнул папа, поворачиваясь к маме. — Кто-то из наших детей шепелявит? Но, дорогая, почему я вечное обо всём узнаю последним?

Мама закрыла глаза.

— По-моему, у меня начинается мигрень, — пробормотала она.

К счастью для неё, в этот момент Жан Е. заорал в своей колыбельке, и мама воспользовалась этим, чтобы пойти дать ему бутылочку.

А вот папе повезло меньше: в кои-то веки пришёл с работы пораньше — и пришлось сидеть на кухне с Жаном В., Жаном Г. и Жаном Д. и лущить горох.

— Ладно уж, — проговорил папа. — Завтра начинается учебный год, поэтому я на вас не сержусь. Но не забывайте: завтра, прежде чем выместись отсюда... то есть, простите, я хотел сказать, прежде чем отправиться в школу, каждый должен сфотографироваться на пороге, при полном параде.

— Да, папа, — ответили Жан В., Жан Г. и Жан Д.

— И чтобы никаких тапочек, как в прошлом году! — добавил папа. — Если, конечно, у вас нет желания следующий учебный год начать в интернате для детей военнослужащих. Я понятно выражаюсь?

Морской бой

Частенько, рассматривая наши альбомы, я говорю сам себе, что жизнь в семьях была бы куда проще, если бы на свете не существовало средних братьев. Они могли бы запросто исчезнуть с лица земли, как, например, исчезли когда-то неандертальцы, и ни одна живая душа об этом не пожалела бы. Их окаменелости обнаружили бы много веков спустя, и археологи их бы исследовали, чтобы найти ответ на вопрос о том, неужели на Земле когда-то могли жить существа с такими оттопыренными ушами.

Вот только, как верно подметил Жан А., не будь Жана В. и Жана Г., средним стал бы уже я сам, втиснутый между Жаном А. и Жаном Д. А этого я бы ни за что не допустил: лучше умереть, чем жить в шкуре среднего!

А вообще, если хорошенько подумать, шестеро братьев — это иногда даже удобно. Например, когда у тебя есть братья, убирать со стола или выносить мусор приходится гораздо реже, чем тем, у кого их нет, — как, например, Франсуа.

Франсуа — это мой лучший друг в Шербуре. Хоть я ему и завидую иногда, но вообще-то он частенько целыми днями сидит один и не знает, с кем поиграть или подраться. Вечерами

он раскладывает карточные пасьянсы или играет сам с собой в шахматы. Правда, он каждый раз выигрывает, но это, наверное, тоже надоедает. Вот нам, например, тоже не надо особенно стараться, чтобы обыграть кого-нибудь в «Монополию»: Жан В. и Жан Г. всегда рады с нами сразиться — при условии, что им дадут управлять банком. Но Жан В. всё время строит отели на улицах, в которые никто никогда не попадает. А у Жана Г. можно потихоньку таскать деньги из кассы, он всё равно не заметит.

Но больше всего я люблю играть с Жаном А. в «Морской бой».

Мы устраиваемся на своей двухэтажной кровати, берём по тетрадному листку в клетку, чертим на них квадраты десять на десять и на этом поле секретно размещаем свои корабли: одноклеточный — торпедоносец, двухклеточный — подводная лодка, трёхклеточный — крейсер и четырёхклеточный — авианосец.

Поскольку Жан А. занимает верхний ярус кровати, мне приходится прикрывать своё поле рукой, чтобы он не жульничал.

— Б4.

— Мимо!

— Ты уверен?

— За кого ты меня принимаешь? За сухопутную крысу?!

А ну-ка получи по корме: Д8!

— Мои поздравления, капитан! Меткий выстрел: прямоком мимо сада!

— Чего?

— Да с твоим талантом даже водный велосипед не потопишь!

— Ты, может, давно не получал?

— Ой-ой, напугал!

Когда мы играем в «Морской бой», у Жана А. есть стратегия, которая кажется ему беспроигрышной: он расставляет все свои корабли по периметру и думает, что я буду непременно стрелять в центр. Чаще всего заканчивается это полётом грязных носков. Средние пользуются этим, чтобы прорваться

к нам в комнату, и тут уже начинается настоящее сражение: мы с Жаном А., как отважные корсары, не покидаем бортов своей двухэтажной кровати и даём отпор средним, которые штурмом идут на наш корабль.

Потом в комнату вкатывается Жан Д. и размахивает пластмассовой сабелькой из своего игрушечного набора.

— На абордаз! — кричит он.

— Поберегись! — кричит в ответ Жан А. — По левому борту — шепелявый!

— Я — пират Краснобород, а не сепелявый! — возмущается Жан Д. и дубасит саблей по всем подряд.

— Э, ты сдурел? Больно ведь!

— Нисево! — орёт Жан Д. — Устроим резню!

— Огонь! — отдаю я команду. — Не позволим пигмеям захватить наше судно!

— А пигмеи тебе на это вот что скажут! — парирует Жан В. и расстреливает нас из своей знаменитой резинки.

С тех пор как папа конфисковал мою резинку, мы с Жаном А. смастерили себе карманные духовые ружья из трубочек от шариковых ручек, внутрь которых засыпаются крошечные шарики из бумаги, предварительно хорошенько разжёванные. Но очень скоро и мне приходится спасаться бегством на верхнем ярусе кровати — всё-таки трое против двоих!

Правда, прячусь я там лишь до тех пор, пока Жан А. не обнаруживает, что я топчусь грязными ногами по его подушке... И тут уж начинается такое! Мы больше никакие не союзники: теперь каждый бьётся как сумасшедший за себя одного против всего белого света.

Именно в такие моменты любит внезапно нагрянуть мама.

— Молодцы, нечего сказать! — говорит она. — Это вы называете спокойной развивающей игрой?

— Да мы всего лишь играли в «Морской бой»! — пробует отбиться Жан А., у которого вся голова — в пухе и перьях, выбившихся из подушки.

— Папа считает, что эта игра развивает умственные способности и умение стратегически мыслить! — оправдываюсь я.

— Швыряться игрушками и бить друг друга по голове — это развивает умственные способности?

— Это средние начали!

— Это не мы! Мы просто спокойно делали уроки, и тут они стали нас обстреливать своими носками!

— К тому же грязными!

— Ну что ж, — говорит мама своим обычным спокойным голосом. — Довольно развивающих игр. Чтобы до обеда ваши комнаты были в порядке и все уроки доделаны. Я понятно выражаюсь?

В общем, да, не так уж это и плохо — расти в многодетной семье. Всё-таки быть наказанным за компанию не так грустно, как в одиночку.

Тем более что у нас есть рации, которые подарил нам дедушка Жан, и с их помощью мы можем продолжать сражаться на расстоянии — тайком от мамы.

— Алло! Это средние? — спрашивает Жан А.

— *Бррррр скррруиччч...* Нет, это Дед Мороз! — отвечает Жан В.

— Ты что там, в сковородке сидишь и жаришься?

— *Бррррр скррруиччч...* Ну ты вообще, редис недоеденный, это же рация трещит!

— Неважно. Здорово вы от нас получили сегодня!

— А ну-ка приходи к нам и скажи это лично, если ты мужчина!

— Мы проявляем пощаду к раненым! — ухмыляется Жан А.

— *Бррррр скррруиччч...*

— Ты говоришь какую-то ерунду, я ни слова не понимаю. Ты что, теперь тоже шепелявишь?

— Это не я шепелявлю, тупица! *Бррррр скррруиччч...* Это моя рация!

— С чего это ты взял, что она твоя? Дедушка Жан подарил её нам с Жаном Б., ясно?

— Да вы ведь живёте в одной комнате, *бррррр скррруичччч...* Зачем вам рация?

— Вот сейчас придём за ней, и узнаешь зачем, когда прольётся кровь! Алло, ты ещё тут?

— Ага, тут, *бррррр скррруичччч...* Чистил себе ухо антенной от твоей рации.

— Что?! Ты труп, Жан В.!

— Ой, напугал! Я ещё и батарейки твои посадил...

— А мне плевать! — ухмыляется Жан А., зелёный от злости. — Всё равно ты мне заплатишь из своих карманных денег.

— Алло? — произносит Жан В., делая вид, как будто бы нас не слышит. — Алло? Алло?

— Я всё ещё тут, редис-недоумок! — орёт Жан А.

— Вот это да! — говорит Жан В., обращаясь к Жану Г., который смеётся на заднем плане. — Связь прервалась. Наверное, старших засосало в пространственно-временную дыру...

— Туда им и дорога! — кричит Жан Г., вероятно, выхватив рацию из рук у Жана Д. — Теперь можно захватить жирными пальцами всю их коллекцию марок!

— И пририсовать усы ко всем их фотографиям с первого причастия! — добавляет Жан В. прямо в рацию.

Теперь моя очередь выхватить передатчик из рук Жана А.

— Тронете хоть одну из моих мадьярских марок — будете иметь дело с моим парализующим приёмом!

— *Бррррр скррруичччч...* — отвечает рация средних. — *Бррррр скррруичччч...* *Бррррр скррруичччч...*

Видимо, на этот раз батарейки сели по-настоящему.

Ну, или же средних унесли с собой инопланетяне, и теперь они находятся в такой далёкой галактике, где наша рация уже не ловит сигнал... Это была бы, конечно, самая прекрасная новость за весь день.

Олимпийские игры

В тот год, когда должен был родиться Жан Е., мы поехали пого-
стить несколько дней в Бордо, у бабушки Жанет и дедушки Жана.

Это было как нельзя более кстати, потому что у бабушки
и дедушки есть телевизор, а в это время как раз проходили
зимние Олимпийские игры.

Мы с Жаном А. места себе не находили от волнения. В школе
уже несколько месяцев только и разговоров было, что об Олим-
пийских играх, и мы спустили все свои карманные деньги
на наклейки с изображениями спортсменов, чтобы собрать
полную коллекцию со всеми участниками команды Франции.
А что творилось на переменках! Все обменивались парными
наклейками и делали ставки на чемпионов, которые зарабо-
тают больше всех золотых медалей.

И только мы были единственными детьми на свете, у ко-
торых нет телевизора, а значит, мы всё равно никаких Олим-
пийских игр не увидим...

Так что, узнав о том, что мы едем в гости к дедушке Жану
и бабушке Жанет, мы чуть не взорвались от радости!

— Подождите-ка, — осадила нас мама. — Вам, конечно же,
никто не позволит целыми днями сидеть и таращиться в те-
левизор. Тем более что речь идёт о спортивных передачах! Это

противоречит нашим воспитательным принципам. Правда, дорогой?

— Н-ну... — протянул папа. — Возможно, в данном случае мы могли бы сделать некоторое исключение...

— Исключение? — повторила мама таким тоном, как будто бы все их воспитательные принципы только что засыпало пеплом от ядерного взрыва.

Надо сказать, что в последнее время папа, возвращаясь с работы, читал газету необычным образом: сначала делал вид, что просматривает новости, но, как только мама отворачивалась, с головой погружался в рубрику спорта.

— В конце концов, речь ведь не идёт о каком-нибудь глупом сериале или бестолковой телевизионной игре, — пояснил папа. — Это же Олимпийские игры, дорогая, соревнование, которое существует не одну тысячу лет, ещё самые древние греки его проводили. Наблюдение за подобным мероприятием может оказаться весьма... э-м... ну, весьма познавательным для наших мальчиков.

— Познавательным? — изумлённо повторила за ним мама. — Смотреть, как люди, которым жить надоело, летают сломя голову по обледелым горам? Да ещё в таких неэлегантных шапочках, надвинутых прямо на глаза!

Папа снова откашлялся.

— Дорогая, все педагоги сходятся во мнении, что спорт — это школа отваги и преодоления себя самого, — продолжал он. — Не забывай благородного девиза Олимпийских игр: «Citius, altius, fortius!», что в переводе означает, конечно же, ну... означает, скажем, вот...

Жан А. бросился папе на выручку.

— Это на латыни, пап.

— Спасибо за информацию, — не слишком радостно откликнулся папа.

— А поскольку в следующем году у меня в школе латынь, — рискнул Жан А., — Олимпийские игры будут мне очень полезны в образовательном смысле.

Но, похоже, маму не удалось убедить в том, что просмотр трансляций с Олимпийских игр может принести пользу в изучении мёртвых языков.

— Так или иначе, — сказал папа, — я думаю, будет несправедливо лишать твоего отца этого невинного удовольствия только из-за того, что у нас есть воспитательные принципы.

В отличие от мамы, дедушка Жан обожает спорт. В молодости он даже был чемпионом по баскской игре в мяч, и есть одна фотография, на которой он стоит в дверном проёме, одетый в смешные штаны с обвисшими коленями, и выжимает на вытянутых руках штангу весом не меньше сотни килограммов.

— К тому же, — продолжал папа, — нельзя оставлять детей без присмотра перед телевизором. Я побуду с ними. Таким образом, я смогу составить компанию твоему отцу, а ты сможешь вдоволь пообщаться с мамой, в тишине и покое. Что скажешь, дорогая? По-моему, блестящий план!

Мама ошеломлённо качала головой.

— В следующий раз, когда мы поедем в Бордо, — сказала она, — напомни мне, пожалуйста, предупредить моих родителей о том, что мы едем навестить не их, а их телевизор, хорошо?

Олимпийские игры 1968 года в Гренобле запомнятся нам надолго!

Каждый день после обеда, пока мама и бабушка Жанет отправлялись в город, мы усаживались в гостиной перед телевизором и смотрели подряд все соревнования этого дня, наливаясь сладкой газировкой.

— Готовы к Олимпийским играм с Жананами, друзья мои? — спрашивал дедушка Жан, включая телевизор.

— Ещё как готовы! — отвечали мы хором.

— На улице такая чудесная погода, а вы сидите взаперти, — сетовали мама и бабушка Жанет, прежде чем уйти из дома. — Вы уверены, что никто из вас не хочет...

— Нет, нет! — отвечали мы все опять хором.

— Развлекайтесь! — кричали им вслед папа и дедушка Жан. — И не торопитесь, гуляйте сколько вздумается!

Они были совершенно не против провести весь день в исключительно мужской компании. Папа Жан сажал Жана Д. к себе на колени, Жан В. и Жан Г. втискивались в одно кресло, и каждый раз, когда французский спортсмен показывал хороший результат, мы все подпрыгивали в воздух как сумасшедшие, били друг друга по спине и орали так, что пузырьки газировки брызгали изо рта во все стороны.

Дедушка Жан по такому поводу купил потрясающий новый телевизор, огромного размера. В несчастных чёрно-белых телевизорах наших товарищей ничего нельзя было разглядеть. А тут мы смотрели все передачи на цветном экране, и изображение было такое чёткое, что казалось, будто до спортсменов можно дотронуться!

Самыми восхитительными были лыжники — прыгуны с трамплина. Они были в очках, которые делали их похожими на мух, и казалось, что они в самом деле умеют летать. Когда они отрывались от трамплина, у меня сердце почти переставало биться. Я смотрел, разинув рот, как они бесконечно летят по небу, из их лыж складывается буква V, которая означает «Победа», и кажется, что они так и будут нестись дальше над снежными вершинами и никогда не приземлятся.

Вечером, лёжа в постели, я никак не мог уснуть. «Бобслей, стэм-кристиания, гигантский слалом... Бобслей, стэм-кристиания, гигантский слалом...» — повторял я снова и снова, как какое-то магическое заклинание.

— Что ты там бормочешь? — шипел на меня Жан А.

— Ничего-ничего, — отвечал я.

Но я знал, что и он тоже никак не может уснуть, лёжа на соседней кровати.

— Citius, altius, fortius... Citius, altius, fortius...

— А ты сам как будто бы не бормочешь! — шипел я на него в ответ.

— Ничего я не бормочу! — возмущался он. — Я повторяю латинский!

— Да он у вас ещё даже не начинался!

— И что? Я заранее повторяю, понятно?

Когда Жан-Клод Килли отхватил свою первую золотую медаль, даже мама и бабушка Жанет начали проявлять интерес к Олимпийским играм.

После второй его медали их стало невозможно оторвать от экрана во время трансляций соревнований по слалому. Они не пропускали ни одной передачи. А уж когда Килли получил третью золотую медаль — за скоростной спуск, бабушка Жанет была так рада, что устроила праздничный обед, чтобы отметить эту тройную победу.

— Сегодня у нас особое савойское блюдо! — объявила она.

Блюдо, по правде сказать, и в самом деле было особым. Перед каждым из нас стояла тарелка с кусочками хлеба, а в центре стола на электрической плитке потихоньку кипел горшок с жёлтой тягучей массой, которая распространяла зловоние на весь дом.

— Вот здорово! Гренки! — проговорил Жан В.

— Чёрствый хлеб! — воскликнул Жан Г. — Моё любимое блюдо!

Но лица у нас у всех были такие, что бабушка Жанет всё поняла.

— Это фондю, — объяснила она холодным тоном. — Питательное блюдо, придуманное горцами. Его готовят из расплавленного сыра и белого вина. Я уверена, что Жан-Клод Киви такое обожает, он-то уж точно.

— Жан-Клод Килли, — поправил её папа.

— Ну неважно, всё равно он такой красивый парень, этот Кирри...

— Килли, — подсказал дедушка Жан.

— Ты не находишь его очаровательным? — спросила бабушка Жанет как-то недобро, оборачиваясь к маме.

— Ну, — сказала мама, немного краснея, — я бы сказала, что без лыжной шапочки...

Она не завершила фразу, потому что папа бросил на неё очень сердитый взгляд, но было понятно, что она больше не считала чемпионов-лыжников такими уж неэлегантными.

Ужин по-савойски удался на славу.

Поскольку за столом были дети, бабушка Жанет не стала лить в фондю слишком много вина. Сыр тянулся нитками, такими тугими, что из них можно было бы связать толстый свитер для поездок в горы, и у Жана Д. вся голова была в этих нитках. Что же до Жана Г., то он без конца терял в котле свои кусочки хлеба. Жан В. и Жан А. принялись фехтовать вилочками для обмакивания хлеба в фондю, ну и в конце концов папа всё-таки вышел из себя. Особенно когда бабушка Жанет подняла бокал за героя дня.

— За Жан-Клода Гили! Гип-гип...

— Ура-а-а! — закричали все.

— Кил-ли, дорогая тёща, — поправил её папа, произнеся каждый слог по отдельности, как будто бы наша бабушка глухая. — Жан-Клод Кил-ли! Разве это так трудно запомнить?

— Ну я так и сказала! — обиженно проговорила бабушка. — Или, может, вы намекаете на то, что я совершенно выжила из ума?

Папа ничего не ответил. Но по его лицу было видно, что он бы предпочёл продолжать смотреть Олимпийские игры в чистую мужской компании.

Ситуацию спас дедушка Жан, который сказал:

— С таким именем и с целыми тремя золотыми медалями наш дорогой соотечественник Килли заслуживает право быть зачисленным в почётные члены клуба Жанов. Как вы считаете, мальчишки? Кто за, поднимите руки.

Мы все взмахнули вилочками для фондю.

— Кто против? Никого?

Жан В., который никогда ничего не понимает, снова поднял руку и едва не выколол вилкой глаз бабушке Жанет.

— Принято единогласно, — подытожил дедушка Жан. — Чтобы это отметить, предлагаю налить всем ещё газировки!

Папа и мама переглянулись. Набивать живот едой и наливать газировкой прямо перед сном — это противоречило всем их воспитательным принципам.

— Ну, раз уж сегодня такой праздник... — сдалась мама.

— Ты права, дорогая, — сказал папа, который тоже решил смириться. — В воспитательном деле — как на Олимпийских играх: главное — участие.

Горнолыжный лагерь

Именно благодаря Жан-Клоду Килли несколько месяцев спустя мы с Жаном А. отправились в горнолыжный лагерь католических скаутов. Когда папа с мамой сообщили нам о том, что мы вдвоём едем в горы заниматься спортом, мы просто не поверили собственным ушам.

— Мы будем прыгать с трамплина? И заниматься бобсле-ем? И кататься наперегонки на коньках? — бормотал я. — Совсем как на Олимпийских играх? Спасибо, папа, спасибо, мама!

— Ну, не всё сразу, — произнёс папа, открывая брошюру «Католических скаутов», которую он принёс из церкви. — Что там у них в программе, дорогая?

— «Приобщение к горным лыжам и духовные бдения в живописной атмосфере высокогорного шале», — произнесла мама фразу, которую, видимо, выучила наизусть.

Жан А., который от восторга прыгал на месте, выпучил глаза за очками, как будто бы учуял подвох.

— Духовные бдения? — переспросил он. — Это что?

— Ну, — начал папа. — Это похоже на долгие вечера перед телевизором...

— Только без телевизора, — закончила за него мама. — Примерно так, да, дорогой?

Папа несколько раз кивнул.

— Без телевизора? — побледнел Жан А.

— После целого дня занятий лыжами и живой атмосферой вам всё равно не захочется больше ничего, кроме спокойного ночного отдыха.

— А почему мы тоже не едем? — начали ныть средние.

— Вы ещё маловаты для «Католических скаутов», — объяснил папа.

Он несколько раз затыкнул трубку и наконец обернулся к нам.

— Я надеюсь, что вы оба осознаёте, как сильно вам повезло, — сказал он. — Видя ваше увлечение зимними видами спорта, мы с мамой подумали, что лыжный лагерь в горах окажется... ну... как бы... окажется...

— Благотворное влияние на наше развитие? — предположил я.

— Именно так, — подтвердил папа.

— А благодаря вашим дорогим двоюродным братьям Фугас вы будете полностью экипированы, — добавила от себя мама. — Они прислали вам кое-какую лыжную одежду, из которой сами уже выросли. Правда ведь, это очень сердечно с их стороны? Я надеюсь, вы напишете им хорошее и доброе письмо, в котором поблагодарите за заботу, правда?

Вообще-то есть кое-что похуже, чем родиться в многодетной семье: хуже этого — быть двоюродными братьями двоюродных братьев Фугас.

Их пятеро, и первая половина имени у каждого — Пьер, а уши у них оттопыриваются так сильно, что можно подумать, будто у них вместо головы — котелок для фондю.

Они немного старше нас и пользуются этим, чтобы раз в три месяца избавляться от своих старых шмоток, отправляя их нам по почте.

— Я уж лучше буду голым кататься, чем напяливать на себя их тухлые штаны, — предупредил Жан А.

— Я тоже! — поддакнул я. — Лучше отморозить себе все пальцы на руках, чем надевать их вонючие варежки!

Но мама была тверда: не может быть и речи о том, чтобы покупать за бешеные деньги новое лыжное обмундирование ради одной-единственной недели в лагере.

На фотографии, которую папа непременно хотел сделать прежде, чем мы с Жаном А. заберёмся в автобус «Католических скаутов», мы оба похожи на двух снеговиков. Куртки двоюродных братьев Фугас доходят нам до колен, а на головах, мучительно их стягивая, красуются шапочки с помпоном, на которых вышиты горные козлы.

— Ещё один кадр, но на этот раз с улыбкой! — потребовал папа, глядя в видоискатель. — Я отправлю фотографию вашим кузенам! Им будет приятно увидеть, что их одежда вам так замечательно подошла.

— Повеселитесь хорошенько, дети! И поосторожнее там! — крикнула мама, когда автобус тронулся с места.

Они ещё несколько секунд стояли и махали нам вслед, и нам пришлось дождаться, пока автобус свернёт за угол, прежде чем зашвырнуть тухлые шапки братьев Фугас в задний угол автобуса.

— Уж лучше положить на голову тухлого хорька, — проскрипел Жан А.

— Знаешь, что я думаю? — сказал я. — Спорим, они в эти шапки плюнули перед тем, как отправлять нам?

— Они нам дорого заплатят за это, — пообещал Жан А.

— Это точно! — поддержал его я. — Живыми им от нас не уйти.

Вообще-то у нас не слишком много фотографий из лагеря «Католических скаутов».

С тех пор как папа обнаружил на объективе своего «Кодака» немного расплавленного сыра, он отказывается одалживать

нам аппарат. К счастью, в честь первого причастия Жан А. получил от бабушки Жана и бабушки Жанет ультраусовершенствованный фотоаппарат «Полароид».

«Полароид» — это такая фотокамера, которая мгновенно проявляет и печатает снимки. Больше не нужно носить плёнку в фотолабораторию. Нажимаешь на кнопку спуска и при помощи расположенного снизу язычка вынимаешь фотографию, на которой через несколько секунд, словно по волшебству, проявляется изображение.

Только ловить эту фотографию нужно очень аккуратно, иначе на ней отпечатаются пальцы.

— Если ты хоть раз сфотографируешь моим фотоаппаратом свою задницу, то всё, ты — труп! — давно предупредил меня Жан А., который носит свою фотокамеру как с писаной торбой.

— Да очень он мне нужен, этот твой «Полароид»! — ответил тогда я.

— Кассета рассчитана всего на двенадцать снимков, — напомнил Жан А. — Нужно их тратить с умом. Вот увидишь, какой репортаж я сделаю в лагере! Твои наклейки со спортсменами-олимпийцами по сравнению с этим — просто ерунда!

На первой фотографии, которую он сделал, изображён лесной домик «Католических скаутов» с заваленной снегом крышей. Все люди на снимке — немного зелёные, но «Полароид» в этом не виноват: горная дорога так сильно петляла и кружила, что за время пути всех нас вырвало как минимум по два раза.

Только мы расположились в нашем высокогорном шале, как инструктор немедленно раздал всем лыжи. Курс — на горнолыжные трассы!

Мы с Жаном А. сгорали от нетерпения. Нам предстояло впервые в жизни встать на лыжи. Голова наша была до сих пор полна впечатлений от Олимпийских игр, поэтому, когда инструктор, разбивая нас на группы, спросил, какой у нас уровень, Жан А. не задумываясь ответил:

— Серебряная медаль.

— Ха-ха, — произнёс инструктор с каменным лицом. — Говори быстро: «Снежинка», «Первая звезда» или «Горный козёл»?

— Э-эм... Горный козёл, — не растерялся Жан А., вспомнив, что именно горные козлы были вышиты на лыжных шапочках братьев Фугас.

— А ты? — спросил инструктор у меня.

— Тоже горный, — ответил я. — Ну, наверное...

— Очень хорошо. Тогда записываю вас в группу уверенных лыжников, — принял решение инструктор и поставил по галочке рядом с нашими именами в списке.

Мы присоединились к остальным перед трассой — такой высокой, что приходилось задирать голову, чтобы увидеть её вершину.

Пока мы надевали лыжи, наша группа куда-то исчезла.

— Интересно, что значит «Чёрная трасса»? — спросил я, прочитав указатель, торчащий из снежной стены.

— Не волнуйся, — сказал Жан А. — Это пустяки для таких специалистов, как мы.

— Ты как будешь спускаться — утюгом или поворотом с упором? — спросил я, сражаясь с ужасно неудобными крючками на ботинках.

— Стремительным спуском, — ответил он. — А ты?

— Боковым скольжением, — ответил я, немного подумав. — Если услышишь удар, не волнуйся. Это будет означать, что я преодолел звуковой барьер.

— Бывают же на свете такие редиски недожёванные, — проговорил Жан А., ухмыльнувшись.

Но недолго мы так хорохорились.

Оказывается, в реальной жизни лыжи — это намного труднее, чем по телевизору. Просто удержаться на ногах и не свалиться раз десять в снег — уже достижение, которое не всякому по плечу.

Когда мы смогли стоять почти прямо, Жан А. вручил свой «Поляронид» человеку, который проверял наши ски-пассы, и попросил нас сфотографировать.

Мы хотели принять позу участников французской олимпийской команды: встать, приобняв друг друга за плечи, и показывать пальцами букву V, обозначающую слово «победа». Мы не учли, что повалимся друг на друга и не сразу сможем подняться, потому что палки с лыжами так сильно запутаются, что придётся нам отстёгивать крепления и начинать всё сначала.

Наконец нам удалось бочком доковылять до подъёмников. Температура воздуха наверняка была не больше нуля градусов, но с нас градом тёк пот под тухлыми куртками кузенов Фугас.

— Поднимайся первым, — сказал Жан А., дыша так тяжело, что при каждом его выдохе стёкла очков застилало туманом. — Встретимся наверху.

Я с трудом пристроился к группе лыжников, ожидающих своей очереди у подъёмника.

На Олимпийских играх, надо вам сказать, подъёмники совсем другие. Чемпионы там поднимаются на вершину сидя в креслах, это намного быстрее. Но мне без этих висячих кресел было только лучше. Мне достаточно просто встать на табурет, чтобы голова закружилась от боязни высоты, а уж от мысли о том, что меня подвесят на тросе над бездонной пустотой, я могу по-настоящему грохнуться в обморок.

Когда настала моя очередь хватать штангу подъёмника, первую я пропустил, потому что варежки у меня были слишком огромные. Вторая ударила мне в лицо — пришлось выйти из очереди, чтобы искать в снегу улетевшие туда лыжные очки.

— Ну что ты там возишься! — крикнул Жан А. — Нужно догонять нашу группу!

Легко сказать... Мне пришлось пропустить ещё две или три штанги. Я чувствовал, как нервничают другие лыжники у меня за спиной. Но посмотрим, как они запоют, когда на спуске я пролечу мимо них со скоростью пушечного ядра!

Наконец мне удалось ловко поймать очередную штангу. Но недостаточно ловко для того, чтобы успеть зажать её между ног.

Трос натянулся как пружина и так сильно швырнул меня вперёд, что я чуть не выпустил штангу.

Хорошо, что у меня мышцы твёрдые как камень. Я уцепился за штангу руками, и подъёмник протащил меня вверх по склону метров на пятьдесят. Носы моих лыж всё норовили встретиться и скреститься, их никак не удавалось удерживать в параллельном положении, но, по крайней мере, я продвигался вперёд.

Жан А. снизу приветствовал мой подвиг. Он снова достал свою камеру, и я по глупости решил поднять вверх одну руку — ну, чтобы показать, что альпийские вершины мною уже практически покорены.

Роковая ошибка, которую допускают многие чемпионы...

Штанга выскользнула у меня из рук, лыжи резко разошлись в стороны, и я сел в полный шпагат.

Несколько мгновений я удерживал равновесие, размахивая палками, чтобы не упасть. Но потом покатылся вниз. Боковым скольжением, как и планировал, но только задом наперёд... И прямо в лыжника, который поднимался следом за мной!

Я безудержно катился вниз и косил лыжников — второго, третьего, четвёртого... который, понятное дело, попытался увернуться.

Как впоследствии рассказывал мне Жан А., я положил всю очередь. Не меньше дюжины лыжников, которые поднимались гуськом вслед за мной. Если бы не сарайчик, в который я в конце концов впечатался, меня бы докатило до самой низкой точки долины.

Когда Жан А. пришёл проведать меня в лагерном лазарете, он хохотал так, что чуть не лопнул.

— В команду Франции тебя пока не возьмут, можешь мне поверить! — сказал он. — Разве что в команду по боулингу, учитывая, сколько народу ты порубил!

— Очень смешно, — бормотал я в ответ. — Но зато я хотя бы спустился по чёрной трассе. К тому же на полной скорости!

— Ага, но задом наперёд! Такой спуск не засчитывается.

— Чего?!

— Представляешь, ввести новый вид соревнований на олимпийских играх: спуск задом наперёд!

Вообще-то я был страшно зол. Я себе ничего не сломал, только сильно растянул связки на правой лодыжке и из-за этого теперь хромотал. Но с лыжами до конца каникул было покончено. Остаток лагерного отдыха мне предстояло провести в лазарете.

— Я принёс твои вещи, — сказал Жан А., взваливая мой рюкзак на дальний край кровати. — Надо было мне сделать как ты — хоть жил бы в отдельной комнате. Там у нас в общей спальне пахнет, как в собачьей конуре!

— Думаешь, растяжение связок — это весело, да? — возмутился я.

— Ну ты, конечно, молодец, редиска натуральная, — вздохнул Жан А. — Точно ничего не болит?

— Не болит! — ответил я, стиснув зубы.

— Жаль. Потому что из-за тебя инструктор перевёл меня в группу начинающих.

— Да ну?

— Прямоком к полным нулям! Нет, ну правда, ты можешь себе представить меня на детской горке с моим-то уровнем?

— Извини!

— Что мне толку от извинений несчастного редиса! — проворчал он. — Испортил мне поездку в лагерь, молодец!

И с этими словами он вышел из палаты, злобно захлопнув за собой дверь.

Только когда он уже ушёл, я обнаружил пакетик мармелада, который он оставил на тумбочке у моей кровати.

Вообще-то было, наверное, даже хорошо, что мы не могли кататься на лыжах вместе. Жан А. так гордится собой, что

после Олимпийских игр ему было бы очень неприятно у меня на глазах учиться азам горнолыжного спорта.

Он уходил вместе с группой с самого утра, сразу после завтрака, и возвращался только вечером. Я слышал, как топают по ступенькам нашего шале лыжные ботинки, как покашливает, становясь всё тише, мотор удаляющегося автобуса, и после этого вдруг наступала полная тишина.

Мне тогда бывало трудновато. Через окно лазарета я видел снежные вершины и крошечных лыжников, которые спускались по разным трассам, мелькая среди елей, и меня охватывала жуткая тоска.

По счастливой случайности я привёз с собой в горы книгу «Великолепная пятёрка на горнолыжном курорте». После визита медбрата я натягивал перину по самые глаза и проводил всё утро в тепле и за книжкой. Дик, Джорджина, Джулиан и Энн, герои книжки, устраивали бешеные сражения, забрасывая друг друга снежками, и в снежный буран преследовали злодеев. Мне, пожалуй, даже нравилось, что можно представлять себе их приключения, а самому сидеть дома, вместо того чтобы таскаться по холоду в промокшей шапке и с ботинками, в которые то и дело набивается снег.

Днём, поспав после обеда, я тайком покидал лазарет и бродил по пустынному шале.

Не так-то просто передвигаться бесшумно, когда тебе приходится прыгать на одной ноге. Но, немного потренировавшись, я выучил в доме все скрипучие половицы и шумные двери. Тухлые шерстяные носки кузенов Фугас приглушали мои шаги, и я чувствовал себя Человеком-Невидимкой, выполняющим ультрасекретную миссию...

Мы, конечно же, не стали рассказывать маме и папе о моём несчастном случае — зачем их зря расстраивать.

А насчет «духовных бдений» они были правы. В гостиной лесного домика действительно не было телевизора. Была только

простыня, натянутая на стене, и громоздкий шумный аппарат, похожий на кинопроектор.

— Вот здорово! Нам покажут вестерн! — прошептал Жан А. в первый вечер, когда после ужина все расселись на стульях в гостиной. — Всё-таки «Католические скауты» — это здорово!

— Спорим, это будет фильм про вампиров!

— Нет, ещё лучше: последний «Джеймс Бонд»!

Не понимаю, почему мы не заподозрили подвоха, когда в комнату вошёл священник.

Сначала он велел нам спеть две-три религиозных песни — для создания настроения. Но потом он выключил свет, а никакого фильма так и не началось. Вместо этого на экране появилась какая-то размытая картинка.

Жан А. потряс меня за руку.

— На помощь, Жан Б., — произнёс он еле слышно. — У меня на первом причастии такое же показывали!

Здорово они нас провели.

Это был никакой не «Джеймс Бонд» и не «Дракула»... А всего лишь слайды из Закона Божьего с занятий по катехизису, которые рассказывали о чуде святой Бландины: историю одной мученицы, которую бросили в яму с дикими львами. Львы эти, вместо того чтобы растерзать Бландину, улеглись у её ног, как прикроватные коврики.

К тому моменту, когда священник наконец выключил проектор, мы успели тысячу раз пожалеть о том, что львы не съели её тогда, в самом начале.

— А теперь марш в кровать! — объявил священник. — Заутрашние бдения будут посвящены Доброму Самаритянину.

Но всё равно нам очень понравилось в лагере.

Особенно Жану А. Когда мы вылезали из автобуса, уже в Шербуре, на груди его огромной куртки красовался значок.

— Что это ты на себя повесил? — спросил Жан В.

Жан А. закатил глаза.

— Это, чтоб ты знал, «Снежинка»! — сообщил он.

— И зачем ты её нацепил?

— Это своего рода первая олимпийская медаль, — объяснил папа, потрепав по волосам Жана А., покрасневшего от гордости.

— Золотая медаль? — спросил Жан Д.

Жан А. выдавил из себя презрительный смешок.

— А ты думал, я соглашусь на бронзу или серебро, да? Ну ты и редиска.

— А у тебя почему такой нет, Жан Б.? — удивлённо спросил Жан В.

— Ну... — ответил я, напустив на себя безразличный вид. — Я решил этот уровень пропустить. Мне нужен сразу «Горный козёл», никаких «Снежинок».

— Может, покажешь нам свои снимки, а, Жан А.? — предложил папа, когда все мы добрались до дома. — Поскольку собственного альбома у тебя пока нет, я вклею их в свой. Прямо рядом с портретом Жан-Клода Билли, который твоя мама вырезала из газеты.

— Килли, — поправила его мама.

— Я пошутил, дорогая, — ответил папа, наливая себе немного виски.

Чтобы отпраздновать наше возвращение, мама хотела приготовить фондю, но папа решил, что это, если хорошенько подумать, не самая лучшая идея.

Вместо фондю мы устроили наш любимый ужин из закусок. Средние наливались литрами газировки, Жан Д. жонглировал орешками, которые укладывал себе на нос, прежде чем закинуть их в рот, Жан Г. опрокинул папин стакан с виски прямо на новый ковёр, ну и в итоге началось такое...

Дома за время нашего отсутствия ничего не изменилось, но как же всё-таки здорово было снова тут оказаться!

Лечебник

Не так уж и плохо, когда твой папа — медик. Не нужно ходить к докторам, ведь один из них у тебя и так под рукой.

Папа — очень хороший врач. Больно глотать? Разболелись зубы? Тошнит? У папы всегда найдётся сироп или таблетка, которая от всего поможет.

— Высунь язык и скажи: «А-а-а!», — говорит папа и целится тебе в рот карманным фонариком.

Самое смешное — то, что, пока ты говоришь: «А-а-а!», он сам тоже говорит: «А-а-а!», как будто бы задаёт тон. Но, поскольку он одновременно давит на твой язык специальной деревянной палочкой, шутить тебе в этот момент совсем не хочется.

— Это смертельно, папа? — спрашиваешь ты.

— Всего лишь ангина, ерунда, — отвечает папа.

— То есть можно идти в школу? — уточняешь ты разочарованно и принимаешься кашлять как безнадёжно больной.

— Конечно, — подтверждает папа. — Сегодня ничего не нужно отвечать наизусть?

— Нужно, — говоришь ты. — Но ведь я так охрип...

— Ничего страшного, — говорит папа и ободряюще похлопывает тебя по щеке. — Ложка сиропа, тёплый шарф, и ты будешь готов отвечать на отлично!

Всё-таки это не очень приятно, когда у тебя папа — хороший врач: невозможно притвориться больным, чтобы пропустить школу. Он сразу же раскусывает твою хитрость, и, вместо того чтобы оставить дома и окружить заботой, тебя считают лодырем и симулянтом.

Однажды Жан В. так долго держал градусник под струёй горячей воды, что папа не поверил своим глазам, когда взглянул на столбик ртути.

— Сорок шесть градусов? — произнёс папа. — Сынок, да ты побил мировой рекорд! Есть у меня подозрение, что я имею дело с ярым симулянтом.

— Что такое симулянт? — спросил Жан В.

— Симулянт, — подключилась к разговору мама, которая никогда не упускает возможности расширить наш словарный запас, — это тот, кто притворяется больным, чтобы избежать работы.

— Или, например, чтобы не писать контрольную по грамматике, — добавил папа, открывая свой врачебный чемоданчик. — Принимая во внимание всю тяжесть твоего состояния, мой бедный Жан В., я вижу только один выход: хороший болевой укол в заднее место.

Жан В. тут же стал белым, как таблетка аспирина.

— Пощупай мне лоб! — закричал он. — Невероятно, но температура, похоже, резко упала!

— Так-то лучше, — сказал папа. — Мне бы очень не хотелось, чтобы в нашей семье завёлся симулянт.

Один из главных поводов для гордости наших родителей — то, что мы, все вшестером, хоть и с оттопыренными ушами и непослушными вихрами на макушках, можем похвастать железным здоровьем.

— Ерунда, — часто говорит мама, скромно потупив глаза. — Нужен всего лишь порядок, организованность и побольше зелёных овощей.

Что касается нас, то мы терпеть не можем зелёные овощи. По нам, так уж лучше корчиться в страшных муках, чем съесть варёного горошку или брюссельской капусты.

А самое страшное — это рубленый шпинат. Мама утверждает, что он богат железом и помогает расти. Но даже папа (а он, между прочим, очень хороший врач) морщится, когда видит этот ужас на столе.

— А жареной картошки, которая была вчера на ужин, совсем не осталось? — спрашивает он.

— Совсем, — отвечает мама.

— Ну что ж, клади побольше детям, — жертвует собой папа. — Им нужно расти, поэтому я, пожалуй, отдам им свою порцию.

— Не волнуйся, — говорит мама и ставит перед ним полную тарелку шпината. — Я приготовила много, хватит на всех. Ты даже добавку сможешь взять, если захочешь.

— Ничего не поделаешь, — говорит папа, смиренно вздыхая. — Я сделал всё, что мог...

Мама не только организованная, у неё ещё и очень много разных идей, поэтому она подписала нашу семью на журнал про Полая.

Попай — это моряк, у которого на обоих запястьях по татуировке в виде якоря, а ещё у него есть очень худая подружка по имени Олив. Каждый раз, когда Попая грозит опасность, он открывает банку шпината и опрокидывает её себе в глотку — прямо так, не разогревая. Через мгновение его бицепсы становятся огромными, фуражка взлетает в воздух как пробка от шампанского, и он задаёт классную взбучку всем злодеям, которые досаждали Олив.

Идея была в конечном итоге не самая удачная, потому что мы все обожаем комиксы про Полая, но продолжаем люто ненавидеть шпинат.

— Если я съем самую малюсенькую лозечку спината, я стану таким же сильным, как Попай? — каждый раз спрашивает Жан Д.

Но мама неумолима как скала.

— Чтобы у всех были чистые тарелки! — постановляет она, не сводя строгого взгляда с папы. — Иначе никакого десерта. Я понятно выражаюсь?

Бедный папа. В такие минуты он очень жалеет о том, что стал врачом, что у него шестеро детей, которым нужно расти, и что у него есть воспитательные принципы.

Однажды в Тулоне мы пошли к папе на работу в больницу.

Мы были там в первый раз и немного стеснялись. Там были огромные коридоры, громко хлопали двери, больных перевозили на каталках, и медсёстры в белых шапочках бегали туда-сюда.

— Я надеюсь, что вы произведёте на всех благоприятное впечатление, — предупредила нас мама. — Возможно, мы встретим главного врача — папиного начальника. Будьте вежливыми и ведите себя как можно тише, вы поняли?

— Да, мама, — ответили мы хором. — Замётано!

Вот только мы не учли Жана А. Когда мы проходили по отделению скорой помощи, он вдруг упал в обморок.

По правде говоря, там пахло эфиром, и мне самому тоже как-то поплохело. Что тут началось! Медсёстры сгрудились вокруг Жана А., усадили его на стул и принялись хлестать по щекам, чтобы он пришёл в себя.

— Сколько тебе лет, мальчик? — спросила дежурная скорой помощи.

— Почти четырнадцать, — пробормотал Жан А.

— Всего лишь приступ гипогликемии, ничего страшного. От голода такое иногда случается.

Маме это замечание совсем не понравилось.

— Вы что же, обвиняете меня в том, что я плохо кормлю своих детей? — спросила она.

Для посещения, во время которого мы должны были вести себя как можно тише и никому не попадаться на глаза, это был настоящий успех. Не говоря уже о том, что трудно не попадаться никому на глаза, если вас шестеро...

— Неужели это те самые знаменитые братья Жаны, сыновья нашего лечебника? — воскликнула вдруг одна из медсестёр.

И тут же все сотрудники скорой помощи столпились вокруг нас. Все хотели угостить нас мятными конфетками, предложить нам стакан воды и поздравить маму с тем, что у неё такая прекрасная семья.

— Ах, — говорила она всем собравшимся. — Это совсем не сложно. Нужно просто всё как следует организовать.

Кто-то предложил проводить нас до папиного отделения, но мама и слышать об этом не желала. Мы и без того уже обратили на себя достаточно внимания.

Мы сами нашли дорогу до папиного рабочего места, и мама шагала так быстро, что нам приходилось почти бежать, чтобы от неё не отставать.

— Мам, а кто такой лечебник? — спросил Жан Г., потянув маму за рукав.

— Спросишь у папы, — ответила она и, притормозив, обернулась к нам: — С этого момента первый, кто обратит на себя внимание, будет лишён права играть на холме до самого совершеннолетия. Я понятно выражаюсь?

Мы были потрясены, увидев папу в его кабинете.

Он сидел за столом, и, поднявшись нас поприветствовать, показался нам ещё более высоким, чем дома.

Возможно, всё дело было в белом халате и стетоскопе, который висел у него на груди... Когда он нагнулся нас поцеловать, мы почувствовали себя очень странно. Жан Г. даже начал говорить с ним на «вы», как будто бы этот папа был не тем самым папой, которого мы давно знаем, а каким-то другим, более значительным и суровым.

Похоже, даже мама была под впечатлением.

— Ну и ну, мои дорогие Жаны! — воскликнул папа. — Что это с вами? Языки проглотили?

Он дал Жану А. примерить свою морскую фуражку, усадил Жана Е. на смотровой стол, показал Жану В., как работает прибор для измерения давления, и разрешил Жану Д. порисовать на рецептурных бланках.

— Папа, а кто такой лечебник? — спросил Жан Г., которого продолжал беспокоить этот вопрос.

— Ну... — пустился в объяснения папа. — Так в армии принято называть врачей.

— А мальчиков, у которых папа — лечебник, как принято называть?

— Не знаю, — произнёс папа, задумавшись. — Может быть, мальчегниками?

— Тогда я — мальчегник! — гордо заявил Жан Г.

Жан Е. решил непременно проверить у каждого из нас рефлекс: он начал стучать всем по коленям специальным папиным молоточком, и папа решил, что хорошо бы поскорее закончить наш визит.

— Дорогие мои мальчегники, вы случайно не умираете с голоду?

— Умираем! — ответили мы

— Отлично! — сказал папа. — Тогда я приглашаю вас всех в «Морской клуб»!

— Ура! — закричали мы хором.

«Морской клуб» — это что-то вроде такого большого ресторана, в котором могут обедать только морские офицеры и их семьи. Там всегда кормят одним и тем же: котлетой с жареной картошкой, куском сыра и консервированным яблочным пюре. Отличная возможность передохнуть от маминого шпината и брюссельской капусты.

— Но я вас предупреждаю, — сказал папа. — Там мы, возможно, встретим нашего главного врача. Я надеюсь на ваше безупречное поведение! Я понятно выражаюсь?

— Да! — закричали мы. — Замётано!

В то время, о котором я сейчас рассказываю, я ещё не был знаком с Элен — девочкой, которую встретил в лагере морских скаутов. И, конечно же, не знал, что её папа был папиным начальником — главным врачом.

Какое счастье, что тогда я этого не знал... Потому что в тот день, когда мы встретили в «Морском клубе» папиного начальника, Жан Г. отдал ему честь.

— Здравствуйте, господин лечебник! — протрубил он на весь зал, вытянувшись по стойке «смирно» и по-военному козырнув.

Главного врача это очень повеселило, а папу — гораздо меньше.

И хотя именно от него Жан Г. узнал это новое слово, папа ничего не желал слушать: он лишил Жана Г. консервированного яблочного пюре и не водил нас в «Морской клуб» по крайней мере месяц.

День прививок

В том, что твой папа — врач, есть и неприятная сторона. Время от времени у нас дома наступает день прививок.

Обычно он выпадает на воскресенье. Папа устраивается в столовой с бутылкой крепкого алкоголя, упаковкой гигроскопической ваты, шприцами и множеством миниатюрных флакончиков, которые пренеприятно звякают в его врачебном чемоданчике, когда он приносит их домой с работы.

Это их позвякивание — самый противный звук из всех, что мне доводилось слышать в своей жизни...

— Я не хочу, чтобы мне делали прививку! — протестует Жан Г., самый изнеженный в нашей семье.

— Поймите, дети, — объясняет папа. — Куда лучше перетерпеть пустяковый укол, чем перенести какую-нибудь тяжёлую болезнь, после которой вы можете... ну... эм-м-м... можете...

— Дорогой, мне кажется, необязательно вдаваться в такие подробности, — перебивает его мама.

— Ты права, дорогая. Но я считаю своим долгом рассказать вам, дорогие дети, что вот, например, столбняк...

— Дорогой! — рычит на него мама.

— Одним словом, — завершает папа немного обиженно, — вам всё равно не отвертеться. Вопрос закрыт.

— Да, но ведь уколы — это больно! — ноет Жан Г. — Особенно в попу!

Вообще-то наш папа — очень хороший специалист по прививкам. Мы наизусть знаем его хитрую технику, но она всё равно каждый раз срабатывает. Поскольку мы слишком сильно сжимаемся от страха перед уколom, папа начинает с небольшого щелбана в то место, куда собирается колоть. Мы на секунду съеживаемся ещё больше, а как только расслабляемся, — паф! — папа втыкает иглу и вводит вакцину.

Мы даже не успеваем крикнуть: «Ай!», как всё уже позади.

К счастью, это происходит не каждый год. Всё зависит от дат, указанных в прививочном календаре наших медицинских карт. И каждый из нас всякий раз надеется на то, что в этом году делать прививку выпадет кому-нибудь другому, а не ему.

Но в то воскресенье в Тулоне случилось событие настолько редкое, что с таким же успехом по небу могла бы впервые за сто лет пролететь комета.

— Давайте-ка я загляну в ваши прививочные календари, — радостно произнёс папа. — Редчайший случай! В этом году прививку нужно сделать каждому из вас! Жану А. — от коклюша, Жану Б. — от полиомиелита, Жану В. — от свинки...

— Почему мне? — возмутился Жан В. — Жан Б. куда больше похож на поросёнка, чем я!

— Это вообще не про внешность, редис непрожёванный! — усмехнувшись, произнёс Жан А.

Папа продолжил зачитывать программу праздника.

— Одним словом, — подытожил он, — объявляется грандиозный сеанс коллективных прививок в семействе Жанов! Попрошу вас через пять минут построиться в аккуратную очередь — в носках, трусах и майке. И чтобы никто не пытался улизнуть. Я понятно выражаюсь?

Пока все мы, бубня и ворча себе под нос, раздевались, из столовой доносилось весёлое папино: «Пам-пам-пам!» — это он готовил инструменты для прививок.

— Тебе повезло больше всех, — пробормотал Жан А., наклонившись к Жану В. — Я видел шприц для свинки: огромный, как ракета в комиксе «Цель — луна»!

— Вот и хорошо, — пожал плечами Жан В. — Комиксы про Тинтина — мои любимые.

— Говорят, в интернате для детей военнослужащих, — прошептал я на ухо Жану А., — прививки делают, стреляя из винтовки такими же особыми подкожными дротиками, как когда делают уколы слонам...

— А у краснокожих бывает краснуха? — спросил Жан Д.

— Ага, а китайцам делают прививку от желтухи? — пошутил Жан Г.

Мы все строили из себя смельчаков, но, когда дверь резко открылась и на пороге появился папа, одетый в белый больничный халат, нам стало совсем не до шуток.

Даже я, с помощью тренировок секретного агента развивший в себе небывалые способности противостоять боли, и то немного скис.

— Кто первый, господа? — раздался папин мрачный голос.

Первым, конечно, пошёл Жан А., как самый старший.

— Ну как? — спросил я, когда он, стиснув зубы, вышел обратно.

— Вообще ничего не почувствовал, — сказал он.

Теперь была моя очередь.

— Ну как? — спросил меня Жан А.

— Пф-ф, — фыркнул я, держась за лопатку. — Тоже ничего не почувствовал.

Следующими пошли один за другим Жан В., Жан Г. и Жан Д., и только тогда мы заметили, что Жан Е. воспользовался тем, что про него забыли, и сбежал во двор в одних трусах, носках и майке.

Он у нас самый маленький, но бегают очень быстро. Пришлось нам всем его догонять, а когда наконец Жан Е. был схвачен и доставлен, визжащий и брыкающийся, обратно домой, папа растерянно произнёс:

— Катастрофа, мои дорогие, я допустил ошибку! В этом году Жану Е. прививка не положена.

Он выглядел таким разочарованным, что мы все готовы были выдержать ещё по одному уколу, лишь бы его утешить.

У папы в глазах вдруг мелькнул проблеск надежды, и он обернулся к маме.

— Дорогая, — обратился он к ней, — ты уверена, что тебе не пора сделать какую-нибудь прививку повторно, пока у меня тут всё под рукой?

— Абсолютно уверена, дорогой, — ответила мама.

— Какая жалость, — произнёс папа. — А нашей соседке, мадам Шварценблум?

— Шварценбаум, — поправила его мама.

— Как ты думаешь, ей не нужна повторная прививка?

— Она так себя бережёт! — сказала мама. — Думаю, ей никакие вирусы не страшны!

— Какая жалость, — вздохнул папа. — Ну что ж, ничего не поделаешь.

Хорошо, что папа заодно не работает ещё и ветеринарным врачом, а то бы он непременно поймал нашего карликового петуха Виктора или шиншиллу по кличке Бэтмен и сделал бы прививки и им тоже.

В это воскресенье за то, что мы все были суперсмелыми в день прививок, нам разрешили вечером посмотреть по телевизору фильм про ковбоев, жуя при этом солёные крекеры.

Папа обожает фильмы про ковбоев. Особенно драки в салуне, когда со всех сторон стреляют и люди разбивают бутылки об головы друг друга!

Но в тот вечер фильм не доставил ему никакого удовольствия. Вид у него был подавленный, и он только и делал, что покусывал трубку.

— Что-то не так, дорогой? — спросила мама.

— Немного нездоровится, — ответил папа, покашливая. — Надеюсь, ничего серьёзного.

— Температуры нет? — забеспокоилась мама и пощупала ему лоб.

— Горло что-то побаливает, — проговорил папа. — Надеюсь, это не коклюш.

— Но ведь ты привит от коклюша, — напомнила ему мама.

— Да, точно, — сказал папа. — Тогда, может, это у меня начинается грипп?

— Или молниеносная пневмония? — предложила мама.

— Об этом я не подумал, — произнёс папа встревоженно. — Думаешь, это может быть настолько серьёзно?

— Понятия не имею, — ответила мама. — Ведь это же ты у нас в семье врач, а не я.

— Это правда, — согласился папа. — Ты уверена, что у меня нет температуры?

— Абсолютно, — заверила его мама.

— Всё равно надо бы мне что-нибудь принять, — сказал папа. — Пока не стало хуже...

— Таблетку аспирина? — предложила мама. — Или немного виски?

— Пожалуй, немного виски, — согласился папа.

— Держи, — сказала мама, протягивая ему стакан. — Я уверена, что виски пойдёт тебе на пользу.

Мама тоже очень хороший врач, если уж она берётся за это дело.

— Спасибо, дорогая, — сказал папа. — Возможно, я сразу же приму ещё немного, если увижу, что первый приём облегчил моё состояние.

— Отличная мысль, — поддержала его мама. — Я приготовила жаркое из курицы и жареную картошку. Но боюсь, что в твоём состоянии лучше сегодня обойтись без ужина.

Папа выпрямился в кресле, в котором до этого полулежал.

— Правда? — пробормотал он. — А мне, наоборот, кажется, что мне стало бы гораздо лучше, если бы я немного перекусил.

— Ну, смотри сам, — ответила мама, пряча улыбку. — Это ведь ты у нас лечебник.

Было видно, что папа чувствует себя лучше, и это всех нас очень обрадовало. Коллективный сеанс прививок — такое грандиозное событие! Было бы очень обидно, если бы после него папа взял и разболелся сам.

Морской волк

Обычно в нашей семье фотографирует папа, поэтому снимков его самого в наших альбомах почти не встретишь.

Правда, на его фотоаппарат можно снимать с помощью автопуска — специального механизма, который позволяет делать групповые снимки с участием самого фотографа. Например, в прошлом году на Рождество мы все сфотографировались на фоне мерцающей ёлки. Папа построил нас всех по росту, впереди — младшие, дальше — средние и так далее, и столько раз проверил, чтобы все попадали в кадр, что у нас даже щёки свело от того, что мы постоянно держали улыбку на лице.

Наконец он нажал на рычажок автоспуска и побежал к нам, чтобы встать рядом с мамой. Времени у него на это было всего пять секунд, но, поскольку не сработала вспышка, пришлось всё начать сначала.

— Вот на этот раз точно получится! — крикнул папа, стремительно бросившись на своё место рядом с мамой.

Бросился он настолько стремительно, что зацепился ногой за электрическую гирлянду, висящую на ёлке.

На этой рождественской фотографии все мы стоим с зажмуренными глазами, потому что вспышка всё-таки сработала.

А за нами виднеется только кусочек ёлки. Потому что она уже накренилась на сорок пять градусов и через секунду обрушится на пол под звон ёлочных шаров.

Когда все опомнились от потрясения, мама произнесла очень спокойным голосом:

— Давайте на следующее Рождество я сама сфотографирую на память всю нашу семью, хорошо?

Папа ошарашенно смотрел на учинённую им разруху.

— Но ведь тогда тебя не будет на снимке!

— Зато на нём по крайней мере будет ёлка, — заметила мама.

Честно говоря, папа не очень любит, когда кто-нибудь берёт в руки его «Кодак».

— Вы думаете, снимать можно всё что угодно, направо и налево! — частенько говаривал он, покусывая свою курительную трубку. — А на самом деле искусство фотографии — куда более сложная штука, чем вам кажется. Ну вот, например, чем больше открыта диафрагма, тем больше должна быть выдержка. Понимаешь, что я хочу сказать, дорогая?

— Нет, — признавалась мама.

— Я так и думал, — вздыхал папа, протягивая маме фотоаппарат. — Просто посмотри в видоискатель и нажми на кнопку.

— Но тут одна только чернота.

Папа снова вздыхал.

— Для начала, конечно же, сними крышку с объектива, — подсказывал он.

— И можно сразу нажимать?

— Подожди. Ты отрегулировала резкость? Нет, это колёсико вообще не трогай! Ты сейчас случайно не против света будешь снимать? Я вот думаю, не нужна ли тут небольшая вспышка... Дай-ка мне на секунду камеру. Вот, я думаю, будет гораздо лучше, если ты будешь снимать вот отсюда... Подожди, дорогая, у тебя палец попадает в объектив... Слушай, ты точно не хочешь, чтобы я сам всё сфотографировал?

И хотя у мамы нет таких способностей к технике, как у папы, несколько самых красивых фотографий для наших семейных альбомов сделала она.

Моя любимая фотография, сделанная мамой, — это папа в образе бывалого моряка.

На этом снимке он стоит на своём новом паруснике, гордо расставив ноги, как будто бы попал в сильную качку. Одной рукой он держит штурвал, а другая служит ему козырьком, из-под которого папа вглядывается в даль.

Лодка ещё стоит на причале среди сотни других, но видно, что папа вот-вот отдаст швартовы и вступит в схватку с бушующей стихией.

— Что такое морской волк? — спрашивает Жан Г., читая через папино плечо слова, которые папа выводит под этой фотографией.

— Ну, — говорит папа, — морской волк — это моряк, который избороздил все самые опасные моря земного шара...

— ...Выпил очень много виски и скрежещет зубами, как капитан Хэддок? — договорил за папу Жан В., большой любитель приключений Тинтина.

Папа ужасно не любит, когда его перебивают посреди разъяснения значения какого-нибудь слова или выражения.

— Не совсем, — сказал он. — Морской волк — это...

— Это такой вид рыбы, — перебил его Жан А., который наизусть выучил «Большую энциклопедию животных». — Её другое название — зубатка, а на латыни она называется...

— Зубатка? — переспросил его Жан В. — Значит, я был прав насчёт скрежетания зубами капитана Хэддока!

Папа повернулся к маме, тщетно пытаясь сохранять спокойствие.

— Объясни им сама, дорогая, пока я не отправил их сию же секунду в интернат для детей военнослужащих!

— Морской волк, — начала мама, — это такое образное выражение, которое означает...

— Бывалого моряка, — перебил её папа. — Например, капитана дальнего плавания. Ты ведь это хотела сказать, да, дорогая?

— Слово в слово, дорогой.

— Так значит, ты морской волк, да, пап? — восхитился Жан Г.

Папа скромно рассмеялся и пустил альбом по кругу.

— Взгляните на фотографию, которую сделала ваша мама. Ну правда же, я тут настоящий морской волк?

Папа работает военно-морским врачом. У него есть офицерская фуражка, форма, погоны с золотыми нашивками, и он всегда мечтал поступить на службу на корабль. Но как же можно уходить в плавание на несколько месяцев, когда дома тебя ждут шестеро сыновей?

Побыть морским волком ему доводилось разве что на катамаране или надувной лодке, на которых мы катались все вместе, когда ездили отдыхать на море.

Поэтому мы не поверили своим ушам, когда папа сообщил нам грандиозную новость.

Накануне, ничего никому не сказав (кроме, конечно же, мамы), он купил лодку.

— Ого! — закричали мы все. — Ты не шутишь?!

— Слово моряка, — поклялся папа, подняв правую руку и сделав вид, как будто сплёвывает на лужайку кусок жевательного табака.

— Настоящую лодку?

— Самую что ни на есть.

— Военную? — спросил Жан В.

— Нет. Прогулочную, — уточнил папа.

— Моторную? — спросил я.

— Нет. Парусную. Это совершенно новенькая яхта, которая досталась мне по случаю за бесценок — дешевле пареной репы!

— Ну, я бы сказала, что пареная репа стоит всё же намного дешевле, чем твоя яхта, — заметила мама.

— В смысле? — не понял папа.

— Ничего-ничего, я шучу, — улыбнулась мама.

— Трёхмачтовая? — спросил Жан А., который выучил наизусть ещё и «Большую энциклопедию парусных судов».

— Нет, одномачтовая, — уточнил папа. — Но можешь мне поверить, она и с одной мачтой развивает сказочную скорость! Если бы не шестибалльный ветер, я бы дал вам попробовать...

— Сто такое сестибалльный? — прошепелявил Жан Д.

— Так мы, моряки, называем сильный ветер, — объяснил папа.

— Который может оказаться весьма полезным при управлении парусным судном, — заметила мама.

Папу это её замечание немного раздосадовало.

— Может разразиться настоящий шторм, дорогая, и я откажусь отдавать своих сыновей на волю бушующих стихий.

Мама взглянула на листву, которая едва шевелилась у нас над головами.

— Ну, в конце концов, это ты у нас морской волк, — сказала она наконец.

Мы отправились в порт после обеда.

— На первый раз я беру с собой в море только старших, — объявил папа. — Завтра, обещаю, со мной пойдёт вторая партия — средние и младшие.

Вторая партия была суперразочарована.

— Почему первыми всегда идут старшие, а мы — никогда? — разворчалась Жан В. и Жан Г.

— Я буду вести себя хорошо и вместе с Заном Е. буду всё время сидеть в спасательной слюпке! — пообещал Жан Д.

Но папа был неумолим. А тут ещё Жан Е. заорал во весь голос мелодию, которая звучит в начале каждой главы сериала «Флиппер», и это, конечно, нисколько не помогло делу.

— Ладно, я пожертвую собой, — сказал я. — Поскольку у меня золотое сердце, я уступаю своё место одному из средних.

— Об этом не может быть и речи, — сказал папа. — Мне понадобятся опытные матросы.

Честно говоря, я бы предпочёл пойти поиграть на холме со своим другом Дылдой или поучаствовать в рогаточном бою против банды Касторов. Парусный спорт я ненавижу почти так же люто, как и шпинат. Но папа так сильно хотел показать нам свою лодку, что я не стал его разочаровывать.

— Ну вот, — сказал он, когда мы добрались до пристани. — Не правда ли, для прогулочной лодки она очень изысканна?

— Да-а! — проговорили мы с Жаном А.

Папина лодка оказалась совсем не такой, какой мы её себе представляли. Она была больше похожа на ванну, чем на парусное судно. На носу у неё располагалась крошечная каюта, в которую мы еле-еле втиснули всё, что принесли с собой.

Папа, надо сказать, всё предусмотрел. У нас были пара вёсел, запасное перо руля, канистра топлива, сигнальные ракеты, бинокль, крем от солнца и несколько банок тушёнки — на случай, если лодка потерпит кораблекрушение и нас выбросит на необитаемый остров.

— Запомните, дети, — сказал папа, отдавая швартовы, — предусмотрительность — главное качество настоящего моряка. Второе важное качество — смелость. Ну а теперь — курс на дальние страны!

Папа завёл мотор, и лодка сама вышла из порта — правда, так медленно, что Жана А. успело два раза стошнить, потому что он нанюхался лодочного топлива.

Ярко светило солнце, и мы в своих спасательных жилетах чуть не сварились. Папа, сосредоточившись на управлении судном, так яростно дымил трубкой, что можно было подумывать, будто мы плывём на пароходе.

Когда лодка снялась с рейда, папа выключил мотор и командовал поднять паруса.

Дело принимало серьёзный поворот!

— С этого момента, — предупредил нас папа, — на борту всем команду только я один. Ну, не считая Господа Бога. Юнги готовы к выполнению манёвра?

— Готовы, — ответили мы.

Но после этого, честно говоря, так ничего и не произошло. Парус болтался на мачте, делая «хлоп-хлоп-хлоп», и лодка наша качалась на волнах, не продвинувшись вперёд ни на дюйм. Ну и Жан А., понятное дело, снова принялся за своё.

Папе было уже не смешно.

— Да у нас тут какая-то сухопутная крыса! — воскликнул он. — Надо бы мне заняться вашей закалкой, друзья мои, если вы не хотите, чтобы я отправил вас в отряд морских скаутов.

— Но я же не виноват! — простонал Жан А. — Просто я болел! Наверное, подхватил цингу!

— Цингу? — развеселился папа.

— Всё дело в шестибалльном ветре, — нашёлся я. — Его совсем нет. Мы стоим на месте — кажется, это называется «сюрплас».

— «Сюрплас»! — проговорил папа, закатив глаза. — У моряков, дорогой Жан Б., это называется «заштилиться». И это всё-таки не совсем то же самое, что сюрплас у велосипедистов, когда ты стоишь на месте.

Прямо в эту секунду парус вдруг резко надулся.

— Буря! — закричал папа. — Держитесь, друзья мои, сейчас рванём!

Нас откинуло метров на триста, не меньше. А потом парус снова опал, и пришлось ждать следующего порыва ветра. Вот только, пока мы ждали, волны от проходящих мимо больших моторных лодок отбросили нас назад, но папа, похоже, этого не заметил.

— Возвращаемся на сушу! — объявил он. — Иначе с таким ветром мы рискуем налететь на рифы!

— Где ты тут видишь рифы? — спросил я, оглядывая пляж, усеянный солнечными зонтиками и купальщиками.

— Доверься опыту старого моряка, мой мальчик, — сказал папа. — Самые опасные рифы — это как раз те, которых не видно.

Мы спустили парус, болтающийся на мачте, и папа снова завёл мотор. Но, вернувшись в порт, мы ещё какое-то время

поболтались на волнах, потому что никак не могли найти себе место для швартовки.

— Ну что, мои дорогие старшие, не сильно вас измучила наша регата? — спросил папа, когда нам наконец удалось выбраться на берег.

— Нет-нет, — ответили мы.

Нам сейчас хотелось одного: поскорее вылезти из жилетов, провонявших бензином, и пойти домой. Но сначала нужно было вымыть палубу, вытащить всё из каюты и сто раз сбегать к машине, чтобы перенести в неё все наши спасательные материалы.

Когда мы наконец вернулись домой, солнце уже почти село.

— Как прошёл первый выход в море? — спросила мама. — Я уже было начала волноваться.

— Ну, пришлось попотеть, но зато теперь мы полны сил! — заверил её папа.

— А шестибалльный ветер был? — спросил Жан Г.

— Ветер был шквалистый, с мощными порывами, — сказал папа. — Но для бывалых мореходов вроде нас — сущие пустяки!

— А почему тогда Жан А. такой бледный? — спросил Жан В.

— Он подцепил цингу, — объяснил я.

— Что такое цинга? — спросил Жан В.

— Ну... — принялась разъяснять мама, — цинга — это заболевание, которое иногда подхватывают моряки во время длительных плаваний, потому что вдали от дома им не удаётся есть достаточное количество зелёных овощей.

— Тогда и у нас тоже будет цинга! — закричали Жан В., Жан Г. и Жан Д., которые терпеть не могут зелёные овощи.

В тот вечер нам разрешили после ужина немного посидеть со взрослыми — в честь папиной новой лодки.

Папа поставил на проигрыватель в гостиной «Остров сокровищ», и мы все сели в кружок на ковре. Вот только Жан Е. всё время кричал: «Береги свою шкуру, Чёрный Пёс!», и родителям

пришлось отправить его в постель раньше, чем закончилась пластинка.

А мы впятером дослушали историю до конца и уже расходились по своим комнатам, как вдруг я воскликнул:

— Папа, послушай, но ведь у лодки нет имени!

— А ведь и правда, — спохватился папа и хлопнул себя по лбу. — У кого какие идеи, мои дорогие Жаны?

— Может, назовём её «Морж», как корабль капитана Флинта в «Острове сокровищ»? — предложил я.

— Моя лодка никогда не будет ходить под пиратскими парусами! — категорически отказался папа.

— А что, если назвать её «Карабуджан», как корабль капитана Хэддока? — придумал Жан В.

— Ну ты и редис, — усмехнулся Жан А. — У капитана Хэддока ведь грузовое судно, а не парусник!

Как мы ни ломали головы, ничего удачного не придумывалось.

— Дорогая, может, у тебя есть идея? — спросил папа.

— Кроме «Пареная репа», пожалуй, ничего в голову не приходит, — насмешливо ответила мама.

— Это ещё что за название? — нахмурился папа.

— Я пошутила, — сказала мама.

И в эту секунду меня озарило.

— «Морской волк» — вот как надо назвать!

Папа задумчиво кивнул.

— Неплохо, — произнёс он. — Мне нравится! А вам всем как такое название?

— Я голосую единогласно! — сказал Жан В.

В общем, все согласились. Даже Жан А., который терпеть не может, когда меня озаряет раньше, чем его.

— В таком случае принято! — сказал папа. — Да здравствует «Морской волк»!

— А что, если нам его окрестить? — предложил Жан А. — Бутылкой шампанского, как «Титаник»?

— Не думаю, что это принесёт ему удачу, — заметил папа.

— К тому же, — добавила мама, — вы ещё слишком малы для того, чтобы пить алкогольные газированные напитки!

— Шампанское — это не для того чтобы пить, — объяснил Жан А. и стал изображать, каким образом крестили «Титаник». — Бутылку привязывают на верёвку и разбивают о корпус корабля — бабах! — и корабль назван.

— Ну ладно, поживём — увидим, — сказал папа, которому, похоже, не очень-то нравилась мысль о том, чтобы корпус его парусника таранили бутылкой шампанского.

Он приобнял маму за талию, и мы услышали, когда поднимались вверх в свои комнаты, как он шепнул ей:

— Какая у нас всё-таки замечательная семья моряков!

— С таким капитаном иначе и быть не могло, — улыбнулась мама.

— Ты права, дорогая, — гордо ответил папа. — Не все дети могут похвастать прямым родством с настоящим морским волком!

— Что такое прямое родство? — спросил Жан В., у которого уши как локаторы.

— В каюту, юнга! — скомандовал папа. — И чтобы до утра я никого из вас не видел на палубе, а не то будете иметь дело со мной.

Семья растёт

В семействе Жанов все поголовно — и старшие, и средние, и младшие — любят животных.

Все — кроме папы и мамы.

Когда мама обнаружила питомник улиток, который Жан В. прятал у себя на подоконнике в Шербуре, ему крепко досталось.

— Сейчас же возьми эту коробку, ступай в сквер и отпусти своих подопечных на свободу, — велела мама.

На этот раз мы все вступились за Жана В.

— Почему мы должны быть единственными детьми на планете, у которых нет никаких домашних животных?

Но папа и мама были неумолимы.

— Этой квартиры едва хватает нам восьмерым. Ни о каком зверинце не может быть и речи!

— Но мы ведь не собираемся заводить себе львов и горилл! — протестовал Жан В. — Улиткам нужно совсем мало места!

— Гастроподов нельзя назвать домашними животными, — сказал папа. — А кроме того, животные созданы для того, чтобы жить на свободе, а не на одиннадцатом этаже многоквартирного дома, в котором лифт то и дело ломается.

— Да, но не тараканы, — заметил Жан Г. — Тараканы любят жить под ванной.

— Что? — в ужасе закричал папа. — Немедленно признавайтесь, кто разводит у нас под ванной колонию тараканов!

— Это он сказал для примера, дорогой, — успокоила папу мама, после чего повернулась к нам. — Ваш папа хочет сказать, что, когда люди заводят домашних животных, они в определённом смысле обрекают их на пожизненное тюремное заключение.

— А если когда-нибудь у нас будет свой дом с садом, — рискнул я спросить, — тогда вы разрешите нам заводить животных?

— Посмотрим, — уклончиво ответила мама.

— Никуда мы не посмотрим, — закипятился папа. — В качестве домашних любимцев мне вполне достаточно шестерых мальчиков и одной назойливой тёщи!

— Я надеюсь, ты не сравниваешь мою маму с гастроподами Жана В., — заметила мама, приподняв одну бровь.

— А что такое гастропод? — спросил Жан Г.

— Речь сейчас не о том, — закрыл тему папа, довольный, что не пришлось отвечать на мамин вопрос о бабушке Жанет. — Пока я — глава этой семьи, ни одно животное не пересечёт порог нашего дома. Я понятно выражаюсь?

А происходило всё это незадолго до того, как мы переехали в наш собственный дом в Тулоне.

Дом был очень большой, с огороженным садиком, за которым раскинулся огромный холм, усаженный миндальными деревьями, и на холм этот можно было пробраться через дырку в ограде.

Но папа стоял на своём: с садиком или без садика — никаких животных в доме. Он своё решение не отменит.

Правда, в один прекрасный день Жан Е. нашёл у нас в саду черепашку... Она жила там так давно, что нам ничего не оставалось делать, кроме как оставить её у себя.

— Но запомните, — пообещал нам папа, — это единственное исключение из правила.

Эту свою черепашку Жан Е. назвал Ватьпле — других слов он всё равно пока не знал, если не считать всяких ругательств.

Другими единственными исключениями из правила стали золотые рыбки Веллингтон и Антрекот, которых нам подарил дедушка Жан. Потом был еще Бэтмен — шиншилла Жана В., а за ним — Виктор, карликовый петух, до того злобный, что ни один вор не решился бы пробраться к нам во двор: Виктор своим острым клювом непременно искромсал бы ему носки в клочья.

Я уж не говорю о раненом дрозде, которого подобрал Жан А. Дрозд пробыл у нас всего месяц, а когда его крыло зажило, Жан А. отпустил птицу на волю.

От этой птицы на террасе развелось так много грязи, что папа уже ничего не сказал, когда Жан Г. посадил в освободившуюся птичью клетку морскую свинку.

С этой морской свинкой Жана Г. и черепашкой Жана Е. в доме скоро стало невозможно найти ни одного листика салата.

— Только предупреждаю, — снова пригрозил папа, — это будет первое и последнее исключение.

Вот только в один прекрасный день я играл на холме (мы с моим другом Дылдой отрабатывали удары пенальти) и нашёл там брошенного котёнка.

Он был весь полосатый, и, когда открыл рот, чтобы мяукнуть, ни одного звука оттуда не вышло.

— Отнеси его туда, где нашёл, — потребовал папа. — Ты же знаешь правило: никаких животных в нашем доме.

Но когда Диаболо начал мурлыкать у него в руках, папа не нашёл в себе смелости прогнать котёнка.

— Ладно, пускай живёт у нас, — неохотно сдался папа. — Но это будет в первый и в последний раз, Жан Б. Я понятно выражаюсь?

Я не знаю, что стало бы с Диаболо потом. Подружился бы он с Бэтменом? А может, проглотил бы Веллингтона и Антрекота?

А может, карабкался бы по деревьям, скрываясь от злодея Виктора...

Он умер совсем маленьким от какой-то злой болезни, которая убивает котят. И оставил огромную пустоту в моей душе — и во всём нашем доме тоже.

Я никогда не забуду тот вечер, несколько месяцев спустя, когда мама и папа вернулись из похода по магазинам. Они сразу завели машину в гараж и вызвали нас всех в гостиную.

— В чём нас обвиняют на этот раз? — заволновался Жан А.

— Понятия не имею. Надеюсь, ты не повторял трюка с таинственным снимком?

— За кого ты меня принимаешь? За тупую редиску? Думаешь, в моём возрасте люди всё ещё способны сфотографировать свою задницу?

— Садитесь на ковёр, дорогие дети, — мрачно произнёс папа. — Мы с мамой должны сообщить вам нечто очень важное.

Мы все повернулись к маме. Она тоже казалась мрачной, но в то же время в глазах у неё прыгали искорки.

Папа прочистил горло.

— Скажи лучше ты, дорогая, — попросил он.

— Нет-нет, — не согласилась мама. — Ведь ты же глава семьи.

— Ну хорошо, — сдался папа и наклонился к нам поближе: — Мы с мамой хотим сообщить вам вот что. Наша семья снова растёт.

Мы все ошеломлённо разинули рты, не в силах проронить ни звука. Даже Веллингтон и Антрекот в своём аквариуме перестали пускать пузыри, и Бэтмен удрал под диван и там затих.

Первым решился открыть рот Жан В.

— Ты хочешь сказать... — начал он.

— ...Что у мамы... — подхватил Жан Г.

— ...Скоро родится ещё один Зан? — прошепелявил Жан Д.

— ...Или ещё хуже — девочка? — договорил Жан А. дрогнувшим от ужаса голосом.

Представьте себе, будто вы узнаете из новостей, что к Земле со скоростью света приближается гигантский метеорит и что

столкновение с ним уничтожит нашу планету. Папина новость произвела на нас эффект примерно той же силы.

— Есё один Зан? — повторил папа, не понимая, о чём речь. — Девочка?

Мама расхохоталась.

— Да нет же, дети! Это совсем не то, что вы подумали!

Мы все облегчённо выдохнули.

— Так ты не ждёшь седьмого ребёнка? — решил я всё-таки спросить на всякий случай, чтобы убедиться окончательно.

— Шестерых мальчиков, которые у нас уже есть, мне вполне достаточно, — заверила нас мама.

И тут же уши Бэтмена высунулись из-под диванчика и Веллингтон с Антрекотом принялись нарезать круги по аквариуму.

— Ну что ж, теперь, когда недоразумение рассеялось, — произнёс папа с нетерпением, — вернёмся к главной теме дня. Вы знаете, что мы с мамой придерживаемся воспитательных принципов, в отношении которых никогда не идём на уступки. Но мы подумали, что, пожалуй, в первый и последний раз можно сделать маленькое исключение.

— Вы разрешите нам смотреть наши любимые дурацкие передачи по телевизору? — не удержался и спросил Жан А.

Папа посмотрел на маму и громко раздражённо вздохнул.

— Дорогая, ты не знаешь, в интернате для детей военнослужащих есть телевизор? — спросил он.

Поскольку было заметно, что папа вот-вот потеряет своё легендарное терпение, мама решила взять дело в свои руки.

— Нас всех ужасно огорчила смерть Диабло, — сказала она. — И вот мы с папой подумали, что, возможно, вы уже достаточно взрослые и достаточно ответственные для того, чтобы мы могли завести домашнее животное.

В гостиной снова повисла мёртвая тишина.

Представьте себе, будто вы узнаете из новостей, что с помощью секретного изобретения удалось уничтожить огненный шар, летящий в направлении Земли, причём произошло это в тот самый

миг, когда шар уже входил в атмосферу. Эффект, который произвело на нас сообщение мамы, был почти таким же сильным.

— Но запомните, что это будет в первый и последний раз! — уточнил папа.

Мамины слова нас до того поразили, что мы даже не заметили, как папа потихоньку вышел из гостиной и спустился в гараж.

— Мы вспомнили о том щенке, которого старшие тайком держали в квартире, когда мы жили в Шербуре, — сказала мама.

— Того, которого я назвал Тимми? — спросил я и почувствовал, как сжалось сердце.

— А я — Таузер? — уточнил Жан А.

— У нас не было тогда никакой возможности оставить его у себя, — продолжала мама. — Но теперь у нас есть свой сад и места в новом доме намного больше... Поэтому сегодня мы с папой заехали в собачий приют...

— ...И там оба влюбились вот в этого типа, — договорил папа, стоящий у нас за спиной.

Он вернулся из гаража так тихо, что мы не обратили на него внимания.

В руке он держал поводок, а на конце поводка вертелся молодой пёс с шерстью карамельного цвета.

— Познакомьтесь: это Дик, — с гордостью произнёс папа. — Чистокровная дворняга! Он очень спокойный, и все прививки ему уже сделаны.

Так в нашей семье появился Дик.

Он так обрадовался встрече с нами в ту счастливую субботу, что можно было подумать, будто мы сто лет знакомы. Все принялись скакать вокруг него, гладить и дёргать за хвост, чтобы привлечь его внимание. Он терпеливо сносил наши ласки и с радостным лаем лизал всех подряд.

Когда он нежно наподдал мордой Бэтмену и тот закатился под журнальный столик, мы поняли, что Дик признал нас всех за своих.

Мне редко доводилось встречать собак такой красоты.

Он был рыжим, с шерстью средней длины, как у ирландского сеттера, и умной острой мордой — такая, наверное, была бы у Шерлока Холмса, если бы Шерлок Холмс был сеттером.

— Я хотел бы сразу проговорить кое-какие правила, — сказал папа, когда мы немного успокоились. — Собака будет спать во дворе, а не у вас в комнатах.

— Даже когда на улице очень холодно? — спросил Жан Г.

— Снег ли, дождь или лютая стужа, — подтвердил папа.

— Но всё это маловероятно в Тулоне, — успокоила нас мама.

— Правило номер два, — продолжал папа. — Собаку не будут звать ни Тимми, ни Таузер.

— И даже Снежком? — спросил Жан Г.

— Или Рин Тин Тином? — поинтересовался Жан Е. и начал орать во всё горло мелодию из открывающих титров телесериала про немецкую овчарку.

— Его зовут Дик, — сказал папа. — Так его окрестили в приюте, а если менять собаке кличку в раннем возрасте, это может ей навредить. Правило номер три: строго запрещается водить Дика гулять на холме.

— Нельзя даже спустить его на Кастанов? — спросил Жан А., который до сих пор не мог забыть о том, как банда под предводительством Дылды обстреляла его перезревшими фигами.

— Дика бросили прежние хозяева, — объяснил папа. — Поэтому сейчас нужно дать ему почувствовать себя в безопасном пространстве, а для этого лучше какое-то время ограничиваться прогулками по саду. Правило номер четыре: я надеюсь, что вы будете следить за тем, чтобы от Дика не было грязи и разрушений. И чтобы я не видел у нас на газоне его... как бы... ну, его...

— Какашек? — подсказал Жан Г.

— Спасибо, я подбирал именно это слово, — сказал, откашлявшись, папа. — И наконец, правило номер пять: строго-на-строго запрещается кормить собаку со стола и тайком давать ей сладости. Всем всё понятно?

— Всем! — прокричали мы хором, и каждый поднял правую руку.

— Для животного нет ничего лучше, чем жёсткие воспитательные принципы! — сказал папа и обратился к Дику: — Не правда ли, мой друг?

Дик сидел перед папой и внимательно слушал всё, что он говорит. Он не сводил с папы глаз, насторожённо поднимал то одно, то другое ухо и к тому же склонял голову набок, как будто бы понимал каждое папино слово.

Тогда, чтобы похвалить его, папа положил Дику на нос кусочек сахара. Пёс подбросил сахар вверх, поймал его и аккуратно съел.

— Дорогой, по-моему, ты только что нарушил правило номер пять, — заметила мама.

— Ты так считаешь, дорогая? — спросил папа, пристыженно улыбаясь.

Казалось, он больше всех радовался тому, что у нас в доме появилось домашнее животное.

Поскольку конуры у Дика пока не было, первую ночь он провёл в гараже.

— Что он тут делает? — удивился Жан А., обнаружив наутро, что пёс спит на старом покрывале перед дверью папиной и маминой спальни. — Разве это не запрещено?

— Папе не хватило духу оставить его скулить всю ночь в гараже, — объяснила мама. — Да, дорогой?

— Эм-м... Но это в первый и последний раз, — уточнил папа и смущённо улыбнулся.

Очень скоро обнаружилось, что Дик — настоящий пройдоха. Ему не было равных в том, чтобы напустить на себя обречённый вид и заставить всех вокруг гладить его и говорить, какой он замечательный пёс. Папа неизменно попадался на эту удочку. Но стоило нам отвернуться, как Дик совершенно терял

совесть: гонялся за Виктором, тайком пробирался в сад к нашей соседке мадам Шварценбаум и радостно сдирал с сушильной верёвки её лифчики и трусы.

Хорошо, что мадам Шварценбаум глуха как пень и что рядом всегда оказывался один из нас шестерых, чтобы незаметно повесить обратно все эти её глупости!

А ещё у Дика был невероятный нюх. Я не знаю других собак, которые умели бы, как Дик, играть в игру «Найди предмет». Мы показывали ему на дверь, и он тут же уходил на кухню и ложился там под стол. Тем временем мы брали его каучуковый мячик и прятали его под ковром, в комодке или на верхнем ярусе кровати, а потом кричали ему:

— Дик, ищи!

Он прилетал на бешеной скорости, обнюхивал плиточный пол, и мои часы-хронометр никогда не успевали отсчитать больше тридцати секунд, прежде чем Дик обнаруживал мячик. Он клал его, весь мокрый и изжёванный, нам на колени, и нужно было всё начинать сначала.

Вечерами он ждал папу: усаживался на пороге и смирно там сидел, ритмично постукивая хвостом по придверному коврику, и папу он всегда беспрекословно слушался — ну просто образцовый домашний пёс.

Когда он убежал в первый раз, мы подумали, что он опять спрятался, чтобы с нами поиграть. Но сколько мы ни искали, Дика нигде не было — ни в доме, ни во дворе.

— Наверное, кто-нибудь оставил дверь открытой, — сказала мама. — Я боюсь, что Дик мог убежать.

— Убежать? — удивился папа. — Ну что ты, дорогая. Ведь до нас он жил в приюте. Представляешь, каким огромным и тревожным должен казаться мир молодой и неопытной собаке.

Дик вернулся как ни в чём не бывало два часа спустя, мокрый как мышь, и нам пришлось мыть его из поливального шланга — так сильно от него пахло рыбой.

Вот тогда-то мы и поняли, что он обожает море.

— Ну, раз так, пускай, — сказал папа.

И в следующее воскресенье мы повели Дика на пляж!

Папа надел петлю поводка на ручку солнечного зонтика, чтобы пёс смирно сидел на берегу и ждал нас. Но, когда мы вышли из воды, Дика рядом с зонтиком не было — каким-то непостижимым образом ему удалось освободиться.

Мы нашли его на другом конце пляжа. Он был весь мокрый и, когда мы подбежали, как раз собирался от души отряхнуться прямо на полотенца какой-то чужой семьи и едва не опрокинул их корзинку для пикника.

— Бедный пёс не имеет ни малейшего представления о том, как вести себя в обществе, — в очередной раз встал папа на его защиту. — Нам следует научить его хорошим манерам.

Но попробуйте-ка научите чему-нибудь такого невежу!

Однажды мы с Жаном А. взяли Дика с собой в город. Мы поехали на велосипедах, и Дик так сильно тянул за поводок, что мне даже не нужно было крутить педали — я катился как на санках.

Приближался День матери. Мы прикрутили велосипеды к стоянке и отправились разглядывать витрины магазина «Французские дамы» в поисках подарка для мамы.

— Что ты скажешь насчёт сумки из крокодиловой кожи? — предложил Жан А.

Я пересчитал свои карманные деньги.

— А из кожуры от редиски сумку не хочешь? — сказал я, наморщив лоб. — Ты цену видел?

Нам очень хотелось побаловать маму, но всё стоило так дорого, что денег у нас не хватило бы даже на одну перчатку или одну серёжку.

— Ёлки-палки! — рассердился Жан А. — Придётся ей подарить какую-нибудь несчастную корзинку для хлеба!

Перед магазином продавались разные плетёные вещи. Мы совсем забыли о Дике, а он в этот момент стоял с поднятой

лапой и поливал один за другим все выставленные на продажу товары.

— Это он так метит свою территорию, — попытался объяснить Жан А.

Пришлось нам оттуда срочно убираться, удирая от рассерженного торговца, и больше мы к магазину «Французские дамы» никогда не возвращались.

А вот где мы как следует повеселились, так это в гостях у братьев Фугас.

На выходные они поехали в свою роскошную виллу рядом с городом Сен-Тропе. Там у них росли кусты олеандра, был выложенный из камня мангал размером с романскую церковь и ещё бассейн — с водой такого ярко-голубого цвета, что от одного её вида мы заскрежетали зубами от зависти.

На маму всё это произвело глубокое впечатление, а папа, прежде чем дёрнуть рычаг тормоза, успел надавать нам кучу рекомендаций.

— Наши родственники Фугас — очень приличные люди, которые твёрдо придерживаются своих принципов. Они оказали нам большую честь, пригласив к себе на воскресный завтрак. Поэтому, господа, я надеюсь на ваше безупречное поведение. Я ясно выражаюсь?

Чтобы сделать кузенам Фугас приятное, мама велела нам всем надеть в этот день тухлые шорты, которые они сбагрили нам в начале лета. В благодарность мы привезли с собой коробку мармелада, и вручать её нашим дорогим благодетелям выпало Жану А.

Мы сидели на заднем сиденье машины с такими лицами, что папа счёл необходимым напомнить нам о существовании интерната для детей военнослужащих.

— Вперёд! — скомандовал он наконец. — И лица повеселее!

Тётя Фугас выбежала нас встречать. Она смешно ухала, как сова, звенела браслетами и размахивала тяпкой, которую держала в руке.

Как только мы открыли дверь машины, Дик тут же вырвался на свободу. Он стал как сумасшедший гонять по саду, разоряя цветники из гвоздик, которые тётя Фугас только-только посадила. Затем он, с перемазанными свежей землёй лапами, бросился вверх по лестнице, ведущей на террасу. Пока я бежал за ним (из нашей семьи у меня самая быстрая реакция), он успел схватить с мангала связку сосисок и умчаться с ней прямо в роскошную виллу кузенов Фугас.

Папа был просто раздавлен.

— Бояться нечего, дорогая тётя Фугас! — сказал он, стараясь говорить шутливым тоном. — Этот пёс не слишком хорошо воспитан, но он очень послушный, вот увидите...

В эту секунду все мы услышали громкий всплеск!

Дик, большой любитель воды, нырнул в бассейн... Прямо на дядю Фугаса, который плавал на спине, подставив солнцу пузо.

Вечером мы возвращались домой в мёртвой тишине.

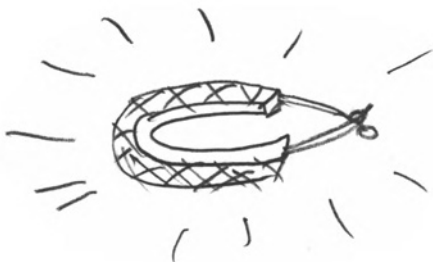

Нам, например, очень понравилось смотреть, как Дик барахтается в воде вместе с братьями Фугас и прогрызает их надувной матрас, а вот маме и папе — не очень.

Пса посадили в багажник, потому что он ещё не успел просохнуть от своих подвигов, и, видимо, он сам понимал, что сейчас лучше не лезть на рожон. В дороге он спал, сытый и довольный, поскольку слопал коробку мармелада, который мы забыли подарить кузенам Фугас.

Когда мы наконец добрались до дома, папа прошипел сквозь зубы:

— В следующий раз, когда мы решим ещё немного расширить нашу семью, дорогая, напомни мне, пожалуйста, что лучше завести горшок с цветком, чем собаку, хорошо?

Фенечка

Каждый год, когда начинаются летние каникулы, перед мамой и папой встаёт один и тот же вопрос:

— Что мы будем делать с детьми на каникулах?

Этот июнь не стал исключением.

— Есть отличные лагеря для детей военнослужащих, — предложил папа. — Можно было бы отправить мальчиков туда.

Мы отреагировали на это предложение единогласно.

— Только не это! Уж лучше сдох...

— Прошу прощения? — перебил нас папа, подняв одну бровь.

— Эм-м... Нам туда совсем не хочется! — поправились мы все хором.

— Так-то лучше, — сказал папа.

— И кстати, хоть мама и не ходит на работу, но она тоже имеет право на каникулы, — сказал Жан А.

— Это верно, — поддержал его папа. — И для неё было бы лучше всего, если бы вы очистили территорию...

— Дорогой! — одёрнула его мама.

— Ну... в смысле, если бы вы занимались разными благотворными летними затеями на природе, — спохватился папа.

— Что значит благотворными? — спросил Жан Г.

— Благотворный, — начала мама, — это такое прилагательное, которое означает...

— Речь сейчас не об этом, — перебил её папа, который начал терять своё легендарное терпение. — Послушайте, а что, если нам отправить Жана Б. в Англию для изучения языка?

Я чуть не прыгнул ему на шею.

— Я супер-за, дэд! — сказал я частично по-английски.

— Не думаю, что это такая уж хорошая идея, дорогой, — вмешалась мама. — Опыт Жана А. был не слишком удачным.

Жан А. принял свой знаменитый оскорблённый вид.

— Что значит «не слишком удачным»?! — воскликнул он. — Я с тех пор знаю все шлагеры «Микеланджело энд зе Манкис» на английском!

— Это точно, — со вздохом сказал папа. — Научиться производить ультразвук на электрической гитаре — не совсем то, для чего люди отправляются в языковые поездки.

Прошлым летом Жан А. съездил в Англию, и это помогло ему опуститься на самое дно переходного возраста. Он вернулся из поездки с брюками клёш, курткой с бахромой и такими длинными волосами, что очков под ними не было видно.

Я изо всех сил пытался переубедить папу.

— Пли-из, дэдди! — говорил я ему по-английски. — Я буду по двенадцать часов в день повторять неправильные глаголы и ни за что не стану влюбляться в девочку из принимающей семьи, как Жан А., я тебе обещаю!

— Что?! — возмутился Жан А. и немедленно покраснел как рак. — Ну-ка повтори, что сказал!

— Ну конечно! — заухмылялся я. — Как будто бы ты не был по уши ин лав с Викторией Смит!

— Я, во всяком случае, не ношу на руке фенечку, как некоторые! — ухмыльнулся в свою очередь Жан А.

— Чего? — переспросил я, чувствуя, что тоже краснею до кончиков ушей. — Ну-ка повтори!

— Фенечку? — удивилась мама.

Я засунул руки в карманы, но с нашими рубашками с коротким рукавом, заказанными по каталогу, ничего не скроешь.

— Это... ну... это такая... э... эмблема морского скаута, — пробормотал я. — У нас в команде у всех такие есть.

— Фенечка? — переспросил папа удивлённо. — У морских скаутов? Так-так... Что-то мне подсказывает, дорогая, что и наш Жан Б., похоже, тоже собрался влететь на всех парах в этот самый переходный возраст.

— Ты так думаешь, дорогой?

— Да, и, боюсь, я прав, — поставил диагноз папа, мрачно разглядывая меня поверх очков. — А это, по-моему, дополнительная причина не отпускать его в Англию, тебе так не кажется, дорогая?

Вообще-то я не слишком расстроился. Школьный год закончился так странно, что я не прочь был провести всё лето дома.

Всё дело было в Элен и «Невероятном путешествии».

Мне бы хотелось сказать, что Элен — это просто одна девочка, которую я встретил в прошлом году на тренировках морских скаутов. Вот только всё гораздо запутаннее... Во-первых, она — дочка папиного главного врача. Во-вторых, нам обоим очень нравятся приключения «Великолепной пятёрки». И в-третьих, когда я подвожу её домой на своём велосипеде (а у неё волосы пахнут морем и нос весь в веснушках), я жалею о том, что не умею крутить педали в обратную сторону, чтобы можно было бесконечно оттягивать то мгновение, когда нам придётся расстаться.

— Знаешь, что показывают в «Мажестик»? — спросила она меня как-то июньским вечером, когда я опять провожал её до дома.

— Последнего «Джеймса Бонда»?

— «Невероятное путешествие»! — проорала она мне прямо в ухо. — Представляешь? Это мой любимый фильм! Давай сходим вдвоём?

Она уже соскочила с багажника велосипеда, да так легко, что я это не сразу заметил — и теперь резко затормозил.

— Вдвоём? — переспросил я, и голос у меня был почти такой же скрипучий, как у тормозов велосипеда. — Но когда? Каникулы ведь ещё не начались, ты про школу не забыла?

— Завтра, — сказала она. — Перед кинотеатром, в три. И не говори мне, что не можешь прогулять ради «Невероятного путешествия»!

Ну как можно сказать «нет» такой целеустремлённой девчонке? Тем более что она всё равно уже исчезла за углом и только махнула рукой на прощанье.

Поскольку мы с Жаном А. учимся в одной школе, он наверняка должен был заметить, что я смылся задолго до окончания занятий.

Ну и ладно! В тот день я, наверное, побил мировой рекорд по бегу, чтобы оказаться у кинотеатра в назначенное время.

Элен ждала меня в фойе, покрасневшая от предвкушения.

— Скорее! — сказала она и потащила меня в зал. — Я терпеть не могу пропускать анонсы фильмов.

Свет в зале, к счастью, только что погас. Мы добрались до первого ряда с помощью билетёрши, которая освещала нам дорогу фонариком, и я шмыгнул в своё кресло с таким чувством, как будто весь зал заметил мои торчащие уши и каждый немедленно послал моим родителям сигнал тревоги с помощью миниатюрного микрофончика.

— Ты планируешь весь фильм просидеть под креслом? — спросила Элен, открывая пачку кексов с начинкой.

— Если меня застукают, — объяснил я, — больше не будет никаких морских скаутов: меня пожизненно отправят к дедтам военнослужащих.

Элен внимательно на меня посмотрела.

— А говорил, что хочешь стать секретным агентом, — произнесла она с насмешкой.

— Ты не знаешь моих родителей...

— Тс-с! — цыкнула она и затолкала мне в рот апельсиновый кекс. — Начинается фильм. Вот увидишь, тебе страшно понравится!

«Невероятное путешествие» — это фильм Уолта Диснея, где рассказывается о двух собаках и одной кошке. Они пешком идут через всю Канаду, чтобы отыскать хозяев, которые их бросили.

Ну, по крайней мере... По крайней мере, так мне объяснила Элен два часа спустя, когда мы вышли из кинотеатра.

— Да нет же, хозяева их не бросили! — взволнованно вдалбливала мне она. — Они попросили своего друга за ними присмотреть. Это они сами решили, что их бросили.

— Кто — они?

— Три главных персонажа! Слушай, ну надо же быть таким бестолковым! Тебе что, совсем не понравилось?

— Наоборот, очень понравилось, честно слово. Просто я... ну...

Но как же мне было ей объяснить, что с того момента, как она взяла меня за руку в темноте кинозала, ещё в самом начале титров, мой мозг резко замкнуло?

Никакого фильма я не увидел. Я был как те полярные исследователи, у которых очки покрываются инеем в ту секунду, когда они высовывают нос из своих иглу. Я не смел повернуть головы, боясь, что она отнимет у меня свою руку, и единственное, что я помню, — это её лицо, обращённое к экрану, и ресницы, которые дрожат от страха и удовольствия.

Когда мы вышли из кинотеатра, было ещё совсем светло, начинался тёплый и нежный летний вечер, и было так странно вдруг оказаться снова на улице и увидеть солнечный свет.

Мы шли домой молча, я толкал велосипед, а она шла рядом, как будто бы ничего особенного не произошло.

Когда пришло время расставаться, она спросила:

— Что ты делаешь летом?

— Пока не знаю. А ты?

— Еду в Бретань, — сказала она без особого энтузиазма. — Как всегда.

Мне захотелось пошутить.

— У твоего папы тоже есть остров Киррин? Как у Джордж из «Великолепной пятёрки»?

Она пожала плечами.

— Неа, — сказала она, даже не улыбнувшись. — Я вообще терпеть не могу летние каникулы.

— Я тоже, — ответил я.

Она хотела сказать что-то ещё, а потом засунула руку в карман и протянула мне бумажный листок.

— Вот. Это мой адрес в Бретани.

— Спасибо, — ответил я, не очень понимая, зачем он мне.

— Ты сможешь прислать мне свой роман, когда допишешь его. Ну, если, конечно, захочешь...

— Конечно, — сказал я, не решаясь признаться Элен в том, что едва начал его писать.

— Обещаешь?

— Чтоб мне провалиться! — сказал я.

— Ну, пока.

— Пока.

Она начала было уходить, но вдруг резко развернулась.

— Как ты думаешь, если бы я его бросила, он бы смог найти меня по следам в Бретани? — спросила она.

— Кто? — не понял я.

— Ну Пушкин, конечно! Мой кот.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что он слишком независим. Он бы никогда не смог отправиться в путешествие с собакой. А уж с двумя — представляю себе, как бы они всю дорогу дрались!

— Он мог бы легко обойтись без собак, — заверил я её. — У котов тоже отличный нюх. Твой почуял бы тебя и за тысячу километров, если бы потерялся.

— Ты так думаешь?

— Я читал об одном таком случае в «Ежегодном журнале».

— Это была выдуманная история или правдивая?

— Самая что ни на есть правдивая.

Похоже, это её приободрило.

— Это хорошо. Но мы всё равно берём его с собой.

— Когда ты уезжаешь?

— Послезавтра. Ну, пока...

— Пока.

Она пошла в сторону дома, но на сей раз это я её остановил.

— Кстати, знаешь, о чём этот роман, который я пишу?

— Нет. О чём?

— Ты не поверишь: это как раз история о коте.

— Да ну! — не поверила она.

— Честное слово! Сначала он, правда, умирает...

— Как Дьяболо? — спросила Элен.

— Примерно. Только у меня в книге кот становится призрак-ком. А его хозяин — шпион, и он даёт коту разные задания — например, похитить микрофильмы с секретной базы.

Элен вдруг ожила и уже не казалась такой печальной.

— Звучит здорово! — сказала она. — А что там дальше?

— Пока не знаю. Я пришлю тебе, когда допишу.

— Обещаешь?

— Чтоб мне провалиться!

Она отчего-то медлила и не уходила. Вдруг она протянула мне что-то.

— Держи, это тебе.

— Мне? — удивился я.

— Это фенечка, такой браслет, — объяснила она и показала своё запястье. — Я их сама делаю. Теперь у тебя будет такой же, как у меня.

У меня не получилось завязать браслет одной рукой, и она сделала узел сама, высунув от усердия кончик языка.

— Тебе не обязательно его носить, — сказала она. — Можешь хранить его в кармане или куда-нибудь спрятать.

— Я его никогда не сниму, — пообещал я.

— Ты не думаешь, что это слишком по-девчачьи? — спросила она.

— Вот ещё! Такие браслеты носят борцы, они им придают силы!

Она улыбнулась.

— Не хотелось бы, чтобы братья над тобой смеялись из-за меня.

Я пожал плечами.

— Ты считаешь, в моём возрасте на такую ерунду ещё обращают внимание?

— Тебе придётся им сказать, что это индейский талисман.

— Так я и сделаю.

— Обещаешь?

— Чтоб мне провалиться.

— Ну, тогда пока...

— Пока.

Она попятилась в сторону дома, еле заметно снова махнула мне рукой и потом исчезла уже навсегда.

Я в отчаянии пытался придумать, что бы такое ещё сказать, чтобы она снова вернулась, но было уже поздно, и я вскочил на велосипед и поехал как во сне, и ноги меня совсем не слушались, и казалось, что до дома я буду ехать долгие, долгие часы.

Мы скучаем!

В то лето мы в конце концов поехали в Сен-Вивьен. Только мы вшестером и мама.

Эта идея пришла в голову папе. Он посадит всех нас в поезд, а дедушка Жан встретит нас на вокзале. Папа, у которого каникулы не такие длинные, как у нас, присоединится к нам в конце лета.

— Месяц отдыха пойдёт тебе на пользу, дорогая, — сказал папа. — Настоящий холостяцкий отпуск!

— С родителями и шестерыми детьми, — уточнила мама.

— Что верно, то верно, — признал папа, усмехнувшись. — Но ты только представь, какие простые земные радости тебя ожидают: весёлая ватага ребят, соскакивающих с постели по утрам...

— ...Которых нужно отлавливать одного за другим, чтобы заставить принять душ.

— Потом — завтрак из прекрасных крупных яиц, которые буквально только что снесла курица...

— Из трёх дюжин прекрасных крупных яиц, — уточнила мама.

— Долгий послеобеденный сон в тени орехового дерева...

— Если сосед не выкатит свой трактор.

— Стога сена на заходе солнца...

— У Жана В. сенная лихорадка.

— Летние ночи, такие...

— Такие холодные!

— Одним словом, — с энтузиазмом подытожил папа, — я тебе завидую, дорогая. Как только подумаю о том, что мне-то придётся трудиться, пока тебя ждёт такой замечательный отдых!

Честно говоря, мама терпеть не может деревенскую жизнь. Но ей не повезло: поскольку нас слишком много для того, чтобы часто останавливаться в отелях, дедушка Жан и бабушка Жанет купили в Сен-Вивьене большой деревенский дом, чтобы на каникулы мы могли приезжать туда все ввосьмером.

Когда мы переехали из Шербура в Тулон, мы провели у дедушки и бабушки суперлето. Мы ходили на рыбалку с дедушкой Жаном, папа ссорился с бабушкой Жанет, мы отправили послания, привязав их на хвост воздушному змею, а когда к нам в гости приехали кузены Фугас, накормили их таким количеством зелёных слив, что у них у всех до единого разболелись животы.

— Итак, кто голосует за каникулы мечты в Сен-Вивьене? — спросил папа.

Руку подняли только средние и младшие.

— Принято единогласно, — провозгласил папа.

— Но я не голосовал за! — возмутился Жан А. — И Жан Б. тоже!

— Я вам советую быстренько это сделать, — сказал папа. — Если не хотите до самого совершеннолетия мыть посуду.

Таким образом, и нам пришлось сказать «да».

— Ну вот и хорошо, — радостно проговорил папа, обращаясь к маме. — Поскольку моё предложение всем пришлось по душе, предлагаю сегодня вечером отпраздновать ваш отъезд!

— Ты хочешь *отпраздновать наш отъезд*? — не поверила своим ушам мама.

— Я имел в виду ваши наступающие каникулы! — спохватился папа.

— Надеюсь, что ты именно их имел в виду, — сказала мама.

— Кстати, — вдруг заметил Жан А. — Кто будет смотреть за Диком, пока мы будем в Сен-Вивьене?

— И за моей шиншиллой Бэтменом? — присоединился к вопросу Жан В.

— И за моими золотыми рыбками — Веллингтоном и Антрекотом, — добавил Жан Д.

— И за моей морской свинкой! — заволновался Жан Г.

— И за моей чеипашкой Ватьпле, — подхватил Жан Е., у которого не хватало одного переднего зуба.

Мы все посмотрели на папу, который внезапно побледнел.

— Чёрт побери! — воскликнул он. — Я забыл об этой детали.

Мама улыбнулась.

— Подумай о прекрасной холостяцкой жизни, которая тебе предстоит, мой дорогой, — сказала она. — Дик станет радостным лаем будить тебя в шесть утра, чтобы выйти во двор... Нужно будет каждый день менять подстилку у морской свинки... Искать в саду черепашку... Сбирать по всем углам твои носки, разбросанные Бэтменом... Нет, в самом деле, я тебе завидую!

— Дорогая, в следующий раз, когда я предложу идею для каникул, — сказал папа мрачным голосом, — напомни мне запретить в нашем доме голосование, договорились?

Лично мне было совершенно неважно — остаться дома или поехать в Сен-Вивьен.

С тех пор как Элен взяла меня за руку в кино, я чувствовал себя странно. Весь учебный год я мечтал о летних каникулах, а теперь, когда они наконец начались, я больше ничего не хотел.

Что это такое со мной произошло? На меня ещё ни одна девочка не производила такого впечатления. Не хочу хвастаться, но я вообще-то из тех людей, у которых железные нервы. Когда я стану секретным агентом, женщинам-шпионкам,

подосланным КГБ и притворяющимся, что они попали в отчаянное положение, придётся хорошенько потрудиться, прежде чем я позволю себя одурманить и выкрасть из кармана моего смокинга код для запуска атомной бомбы!

А вот бедняга Жан А. железными нервами похвастать не может... В прошлом году он влюблялся во *всех* девчонок, которые ему встречались. Сначала — в девочку из семьи, которая принимала его в Англии, а потом — поочерёдно во всех своих одноклассниц из группы по латыни. При этом он не переставал отправлять письма с сердечками, пронзёнными стрелой, своей дорогой Виктории Смит.

— У тебя уже бывало такое, когда... ну... как бы это сказать... — решил я его расспросить на следующий день после похода в кино.

— Какое ещё такое, редис-прокис? — спросил Жан А., не отрывая глаз от гитары.

— Ну, когда одна девочка... ну...

— Когда одна девочка что? — проревел он.

— Ничего.

— *Ничего?* — не поверил он своим ушам. — Тогда зачем же ты меня отвлекаешь, когда я сочиняю главный хит века?

— Вот это — хит? — спросил я с насмешкой и направился к двери. — А я думал, это тебе пальцы дверью прищемило.

Так мне и надо. Нашёл с кем советоваться о девочках — с братом, которого угораздило вляпаться в переходный возраст!

Хотя Элен была уже в Бретани, мне почему-то очень нелегко было покидать Тулон — сердце сжималось так, как будто бы, уезжая, я отдалялся от неё на много световых лет.

«Целый месяц в деревне, чтобы поддержать братьев, — написал я ей в первом письме. — И это называется каникулы! Я решил, что стану там умирать от скуки, сидеть с мрачным лицом и совсем не буду выходить из дому».

С нашего первого лета в Сен-Вивьене прошло всего два года. Однако когда дедушка Жан въехал во двор, радостно библикая и гремя нашими чемоданами, уложенными на крыше его «пежо», дом показался мне совсем крошечным — я помнил его гораздо более внушительным.

Комната нам досталась та же, что и в прошлый раз. В ней хранились старые книги, которые немного пахли плесенью, а ещё тут были огромные двуспальные кровати, на которых в прошлый свой визит мы обожали прыгать вместе со средними, притворяясь космонавтами, парящими в невесомости.

Конечно же, Жан В. и Жан Г., как только мы приехали, принялись скакать на своём матрасе как сумасшедшие. Ну а мы с Жаном А. растянулись на своём и принялись с выражением скуки на лице листать журналы о поп-музыке.

— Если не подвинетесь, — пригрозил Жан В., — мы прыгнем вам прямо на пузо!

— Ой, мамочки, дрожу от страха! — пробубнил себе под нос Жан А.

— Прям на пупок! — пригрозил Жан Г. — И даже ботинок тухлых не снимем!

— Только попробуйте, — пробормотал я, не сдвинувшись ни на сантиметр.

— А можно и нам поиграть в космонавтов? — спросил Жан Д., который тоже откуда ни возьмись появился в комнате, сопровождаемый, словно тенью, Жаном Е.

— Убирайтесь, — процедили мы с Жаном А. сквозь зубы. — Мы уже выросли из ваших идиотских игр!

— Тогда защищайтесь, вы, банда шаклов! — крикнул нам Жан В., вооружаясь диванной подушкой.

Жан Г. пристроился рядом.

— Защищайтесь, банда шаклов! — повторил он за Жаном В., а потом нагнулся к самому его уху и тихонько спросил: — А кто такие шаклы?

— Это множественное число от слова «шакал», ты, недоумок! — ответил Жан В.

— Ну и редис недоеденный этот Жан В.! — расхохотался Жан А. — Слушайте, мелкота, может, вы отстанете от нас и повозитесь друг с другом?

За неимением противников своей весовой категории Жан В. и Жан Г. принялись слоняться по комнате как неприкаянные с подушками в руках, а Жан Д. с Жаном Е. ходили за ними следом и ныли:

— Средние, ну давайте подерёмся! Мы вам конфет дадим, честное слово!

— С микробами не дерёмся! — проскрипели средние.

— Чем вы занимаетесь? — спросила мама, просовывая голову в дверь.

— Мы скучаем! — ответили мы все вшестером унылыми голосами.

— И очень хорошо, что скучаете! — обрадовалась мама. — Тогда бегите помогите бабушке накрыть на стол. Вот и нашлось для вас занятие!

Ага, отличное занятие. Каникулы начинались просто прекрасно.

К счастью, у нас был дедушка Жан.

По утрам сразу после завтрака он отводил средних и младших к овцам. Овец было шесть, их держали в загоне на краю луга. Издалека наши братья были похожи на фигурки, которых ставят перед яслями на Рождество. А иногда дедушка давал им помастерить что-нибудь на своём верстаке или впускал в вольер, чтобы они покормили птиц и налили им свежей воды.

Мы с Жаном А. пользовались отсутствием мелкоты, чтобы по утрам подольше поваляться в постели. Правда, мама этого терпеть не может, поэтому стоило нам улечься после завтрака обратно в кровать, как распахивалась дверь, и они с бабушкой вваливались в комнату с пылесосом и тряпкой для вытирания

пыли. И хотя мы ворчали как хорьки и прятали головы под подушку и, ничего не помогало.

— Погода слишком хорошая для того, чтобы лежать без дела, — говорила мама. — Может, вы лучше сходите в деревню за хлебом? Если, конечно, вам не хочется вместо этого провести генеральную уборку в свинарнике, ну... то есть, я хочу сказать, в детской.

Ругаясь и скандаля, мы с Жаном А. выходили из дома и так лениво крутили педали велосипедов, что нас мотало из стороны в сторону. В деревне мы долго околачивались около газетного ларька, безрезультатно высматривая там журналы о своих любимых кумирах.

— Чего это ты задумал? — беспокоился Жан А., когда видел, что я тайком направляюсь к зданию почты.

— Ничего-ничего, — заверял его я и дожидался, пока он отвернётся, чтобы тогда уж потихоньку кинуть в почтовый ящик очередное письмо к Элен. — А ты сам чего там прячешь?

— Не твоё дело! — отвечал он и вскоре тоже исчезал — с открыткой, торчащей из заднего кармана штанов.

Потом нам приходилось стремглав бежать в булочную, пока она не закрылась, и домой мы возвращались со скоростью гоночных машин, уткнувшись носом в велосипедные рули, потому что был уже полдень, и нас бы убили, если бы мы опоздали к обеду.

После обеда мама укладывала младших спать, чтобы спокойно попить кофе и поболтать с бабушкой Жаном и бабушкой Жанет.

Жан Д. и Жан Е., понятное дело, не упускали счастливой возможности и, оказавшись одни в комнате, от души колотили друг друга, а через час выходили помятые и всклокоченные, предусмотрительно потерев кулаками глаза, чтобы было похоже, будто они только что проснулись.

Следующая часть дня мне нравилась больше всего. Жан В. и Жан Г. собирали на кухонном столе огромный пазл, Жан А.

читал, перевалившись через кресло и свесив голову. А я в эти часы потихоньку сбегал в дедушкин сарай и устраивался там со своей тетрадкой и бумагой для писем. Я нашёл себе уютный уголок за поленницей. Я включал магнитофон на минимальной громкости, чтобы никто не услышал, и часы напролёт писал и снова и снова прокручивал кассету с музыкой из «Невероятного путешествия».

«Я тебе не сказал, — писал я Элен. — Ведь я забросил ту историю про кота-призрака. Вместо неё я начал другую, ещё интереснее: про двух школьников-дзюдоистов, которые основали собственный клуб детективов. Я пока написал только две главы, но ты увидишь, сколько там всего происходит...»

«Мне очень нравится то место, в котором герои вырывают своего друга из когтей фальшивомонетчиков, — писала мне в ответ Элен несколько дней спустя. — Но у меня к тебе вопрос: а девочек в твоих историях никогда не бывает?»

Почтальон приезжал всегда ближе к вечеру. Расположившись в засаде с разных сторон одного и того же окна, мы с Жаном А. подкарауливали его фургончик и летели сломя голову, чтобы первыми забрать почту, если там окажется что-нибудь для нас.

Жану А. не везло. Письма из Англии идут гораздо дольше, чем из Бретани, поэтому он часто возвращался ни с чем, по-нуру шёл в кладовку, где мы хранили обувь, и сидел там, жалобно брэнча на гитаре.

— Тебе не надоело фенечку на руке носить? — спрашивал он, лопааясь от зависти.

Я презрительно ухмылялся в ответ.

— Как будто бы я не знаю, что ты под своей тухлой рубашкой прячешь медальончик «Пис энд Лав»!

— Редис несчастный! — рявкал Жан А. и брал такой аккорд, что уши скручивались.

— Вы пойдёте с нами на луг играть в ковбоев? — звали нас средние. — Вдвоём в ковбоев скучно...

— Не путайтесь под ногами, — рычали мы оба, Жан А. и я. — Катитесь отсюда вместе с младшими, дайте нам от вас отдохнуть!

— За кого вы нас принимаете?! — возмущались средние. — Мы с мелкотой не играем!

— Ну пойдёте, — уговаривали их младшие. — Мы с вами конфетами поделимся!

— И не мечтайте! — бухтели в ответ Жан В. и Жан Г.

— Чем вы занимаетесь? — доносился до нас голос мамы.

— Мы скучаем! — отвечали мы все вшестером унылыми голосами.

— Не понимаю, — говорила бабушка Жанет. — Ведь у нас полон дом обучающихся игр!

— И очень хорошо, что скучаете, — говорила мама. — Нужно сложить бельё, принять душ и очистить две корзины зелёного горошка для ужина. Вот и нашлось для вас занятие!

По вечерам, в честь летних каникул, нам разрешалось немного посмотреть телевизор — вместе со взрослыми. Бабушка Жанет обычно почти сразу засыпала и так громко храпела, что нам приходилось без конца подкручивать колёсико громкости.

Поскольку младшие тоже смотрели вместе с нами, мама заранее внимательно изучала вечернюю телепрограмму. Если под описанием фильма про ковбоев или детективного сериала не было приписки «Рекомендовано церковью», можно было и не мечтать его посмотреть.

А ещё хуже было, если рядом с названием фильма стоял белый квадратик.

— А что означает этот белый квадратик? — спросил Жан Г. в первый вечер.

— Ну, это... эм-м-м... — объяснила мама.

— Это значит, что там могут показать хорошеньких куколок и крутых парней, которые попивают коньяк из пузатых бокалов, — пришёл ей на помощь дедушка Жан.

— А почему во взрослом фильме куколки? — спросил Жан В. с большим интересом.

Но мама решила прекратить этот разговор.

— Сегодня вместо телевизора — чтение, — объявила она, закрывая телепрограмму. — Все в постель, немедленно!

— Это несправедливо! — запротестовали мы все вшестером. — Почему нам нельзя посмотреть вместе с вами?

Но мама была неумолима.

— Даже взрослые пойдут спать. Разрешается только немножко почитать перед сном, чтобы потом хорошо спалось и за ночь все набрались сил.

Но как только мы улеглись, дедушка Жан потихоньку включил телевизор. И хотя он хорошенько убавил громкость, мы слышали, как за стенкой скрежещут автомобильные покрышки, трещат автоматы и героини хихикают, как в рекламе губной помады.

— Дедушка, ну как тебе вчера белый квадратик? — спросили мы с Жаном А. у дедушки Жана за завтраком. — Куколки были?

— Несколько штук было, — ответил он и подмигнул.

«Ну как, готово? Ты закончил книгу? — написала мне Элен к концу каникул. — А вот у меня никаких новостей. Здесь такая скука...»

«Я уже начал вторую! — ответил я ей. — Новое приключение моих персонажей с чёрным поясом. Очень может быть, что из этого получится суперсериал — как “Великолепная пятёрка”. Ты когда возвращаешься в Тулон?»

Когда приехал папа, он нашёл нас всех посвежевшими и отдохнувшими.

— Ну как тебе холостяцкие каникулы, дорогая? — спросил он, целуя маму.

— Ах! — ответила мама. — Ты был прав, ни секунды не скучала!

Бабушка Жанет немедленно воспользовалась приездом папы, чтобы отправить его на помощь дедушке Жану, собравшемуся переклеить обои в гостиной — это давно пора было сделать.

— С преогромным удовольствием, дорогая тёща, — ответил папа упавшим голосом.

Он приехал на машине вместе с Диком. Пёс тоже был страшно рад нас видеть: он скакал вокруг нас шестерых, лая и веселясь, а потом со всех ног помчался в огород — выкапывать всё, что сможет найти.

— В деревне, — объявила бабушка Жанет, — животные спят во дворе, а не в доме.

— Как скажете, дорогая тёща, — подчинился папа, который, похоже, уже начинал тосковать по своей холостяцкой жизни в Тулоне.

Свою первую ночь в Сен-Вивьене Дик провёл на цепи в сарае, где дедушка держал трактор. Он так громко лаял, что никто не смог уснуть, и на следующую ночь бабушка Жанет выделила ему угол в кухне, где поставила для него миску с водой и положила старую продавленную подушку.

Неделя с папой и Диком пролетела очень быстро.

Как-то вечером, сразу после ужина, мы устроили среди мужчин олимпиаду по игре в карты. Мама и бабушка Жанет тем временем сидели на диванчике среди стремянок и рулонов обоев, которыми была загромождена гостиная, и болтали о том о сём. У папы до сих пор в волосах был обойный клей, но, поскольку он выиграл и поскольку они с дедушкой Жаном выпили немного ликёру, настроение у него было замечательное.

— Ну что, завтра продолжим? — спросили мы.

— Безусловно! — ответили папа и дедушка Жан. — И мы вам покажем, где раки зимуют!

Вот только на следующий вечер после ужина папа всех нас отправил с книжками в кровать.

— Это несправедливо! — заворчали мы. — Ты обещал!

— Завтра, — ответил папа. — Слово моряка!

И мы поняли, почему так произошло, когда услышали за стеной скрежет автомобильных покрышек и хихиканье хорошеньких куколок. По телевизору показывали фильм с белым квадратиком, и папа с дедушкой Жаном, которые весь день клеили обои, заслужили право посмотреть телевизор взрослой компанией, за рюмочкой ликёра.

Вообще-то каникулы получились отличные, и, когда настало время возвращаться домой, нам всем было очень жалко покидать Сен-Вивьен.

— Почему мы не можем остаться? — ныли младшие и средние. — Нам было тут так весело!

— Погодите-ка, — перебила их мама. — Мне казалось, что вы все каникулы скучали.

— В городе будет ещё хуже, — пожаловались Жан В., Жан Г., Жан Д. и Жан Е. — Там, в Тулоне, вообще нечем заняться!

— И очень хорошо, что там нечем заняться! — обрадовалась мама. — Вам нужно будет завести тетради для рассказа о каникулах и провести генеральную уборку в своих комнатах. Вот и в Тулоне нашлось для вас занятие!

Накануне отъезда почтальон привёз мне последнее письмо.

«Знаешь что? — писала Элен. — Родители решили сократить наши каникулы в Бретани. Мы возвращаемся через три дня. Ура! По правде сказать, я начинала уже потихоньку умирать от тоски...

Кстати, я забыла тебя спросить: ты ещё не потерял свою фенечку?»

Щащлычок из фредисок

Должно быть, в ту ночь мы спали как убитые, потому что, когда до нас донеслись глухие удары, Жан А. вскочил на верхнем ярусе кровати и заорал:

— Живым ты меня не возьмёшь, Чёрный Пёс!

Я, в свою очередь, преследовал команду диверсантов на борту одноместной подводной лодки. Когда снова послышалось: «Бум! Бум!», мне на секунду показалось, что подводная лодка столкнулась с дрессированной рыбой-молотом, обученной убивать.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы очнуться ото сна, и сердце у меня в груди колотилось так, как будто в подводной лодке закончился кислород.

— Вставайте, вы, там! — раздался голос, который показался мне знакомым.

Мы были у себя в комнате, в Тулоне, и папа барабанил в дверь.

— Это не мы! — забормотал Жан А. — Мы ничего не делали!

Проговорив это, он свесил голову с кровати и посмотрел на меня.

Я нащупал под подушкой фонарик, который всегда там храню, и направил луч света прямо в лицо Жану А. С перевёрнутой головой и выпученными глазами он был похож на кошмарную лопающую летучую мышь.

— Что вообще происходит? — произнёс он заплетающимся языком.

— Тупица, я-то откуда знаю?!

Бум! Бум! Бум!

— Старшие, вы меня слышите? — крикнул папа из-за двери.

— Нет-нет! — закричали мы оба. — Мы спим!

Но папа нам почему-то не поверил.

— Живо одевайтесь, — бросил он. — Общий сбор в гостиной через пять минут!

— Но ведь сейчас ночь! — запротестовал я, сверившись со светящимися стрелками своих часов.

Было почти одиннадцать. Папа уже отошёл от нашей двери, и было слышно, как он колотит в дверь к средним.

Жан А. со стоном и кряхтениями соскользнул с верхнего яруса.

— Решено, — сказал он. — Завтра же я подаю в суд на свою семью за ужасное обращение и прошу, чтобы меня усыновили какие-нибудь богатеи-миллиардеры.

— Ага, они прямо сидят и мечтают заполучить к себе в единственные сыновья очкарика! — хрюкнул я от смеха.

Дело было в августе, спустя две недели после нашего возвращения из Сен-Вивьена. Накануне мы с Элен окопались на холме, так чтобы средние за нами не шпионили. Мы принесли с собой компас, пакет апельсиновых кексов и мою велосипедную флягу, до краёв наполненную лимонадом. Мы ободряли колени, пока бежали через кусты ежевики к нашему тайнику, который устроили здесь некоторое время назад, и, растянувшись на траве, набивали животы незрелыми ягодами и читали последний том приключений секретного агента Ланжло, который Элен подарили на день рождения.

В восемь вечера я был уже в постели, лежал, приклеившись ухом к транзистору. Передавали повтор матча с чемпионата по футболу, но я не дослушал даже до конца первого тайма — уснул.

Когда мы с Жаном А., пошатываясь, дотащились до гостиной, все остальные были уже там. Жан В. пытался просунуть обе ноги в одну штанину, Жан Г. зевал так, что чуть челюсть себе не свернул, а у Жана Д. на щеке остался такой отчётливый отпечаток подушки, что он был похож на персонажа комиксов.

Жан Е. бегал по комнате, а Дик был настолько рад видеть нас проснувшимися, что лаял как сумасшедший и так бешено нарезал круги вместе с Бэтменом, что его заносило на поворотах.

Жан А. попытался высказать своё возмущение:

— Если нам в этом бараке уже даже не дают нормально подрыхнуть...

— Что-что? — переспросил папа, подняв одну бровь.

— Эм-м... Если в этом доме у нас нет возможности как следует выспаться... — поправился Жан А.

— Так-то лучше, — кивнул папа.

— А мне как раз насинал снится отлисный сон! — прошепелявил Жан Д. и потёр глаза кулаками.

— Так, тишина, — оборвал нас папа. — До конца каникул у вас ещё будет масса времени, чтобы отоспаться.

Поднять нас среди ночи его могли заставить только две вещи. Либо он обнаружил, что один из нас разбил стекло нашей глухой как тетерев соседке мадам Шварценбаум, либо инопланетяне на летающих тарелках собрались разрушить Землю мощнейшими лазерными лучами.

— Берите свитера и бегом в машину, — приказал он.

— В машину? — переспросили мы. — А куда мы едем? Что происходит?

Папа посмотрел на часы, после чего поймал Дика и надел на него поводок.

— Ты тоже едешь с нами, — сказал он, оставив наш вопрос без ответа. — Дома тебя оставлять нельзя.

— А Бэтмен? — спросил Жан В. — Его мы тоже берём с собой?

— Это уж слишком, — сказал папа.

Похоже, даже мама не очень-то понимала, что происходит.

— Дорогой, ты уверен, что мы поступаем разумно? — спросила она.

— Доверься мне, — сказал папа.

— В конце концов, это ведь ты у нас глава семейства, — вздохнула мама.

Мы набились в наш большой семейный «пежо-404». Багажник был забит, поэтому нам пришлось посадить Дика у себя в ногах. Когда папа включил зажигание, мы услышали, как он процедил сквозь зубы:

— Надеюсь, успеем...

Куда успеем?

За окном было совсем темно, и папа так быстро вёл машину, что мы совершенно не разбирали пути.

— Думаете, нас везут отдавать в интернат для детей военно-служащих? — забеспокоился Жан Г.

— Уж скорее в интернат для детей-лунатиков, — пошутил я.

— Это всё мадам Шварценбаум, — догадался Жан В. — Она пустила по нашему следу беспощадных убийц из-за разбитого стекла...

— А почему не Интерпол, раз уж на то пошло? — пошутил в свою очередь Жан А.

И всё-таки он без конца оглядывался, чтобы проверить, не преследуют ли нашу машину.

Когда в свете фар показался лес мачт, стало ясно, что мы приехали в порт.

Мы все переглянулись. Что нам могло понадобиться в порту в такой поздний час?

— Я понял! — протрубил Жан Д. — Мы будем смотреть состязание!

За несколько дней до этого мы видели потрясающее представление в Тулонском заливе. Это называется морское сражение: немного похоже на рыцарский турнир, только на море. У каждой команды есть судно, украшенное флажками, гребцы и боец, вооружённый копьём, и этот боец должен скинуть в море бойца из команды противника.

— Не совсем, дорогой Жан Д., — поправил его папа, открывая багажник. — Давайте-ка, друзья мои, надевайте вот это!

И он раздал нам спасательные жилеты.

— И ты тоже, дорогая.

Было слишком темно, чтобы мы могли хорошенько разглядеть оттенки, но, скорее всего, Жан А. стал в этот момент цвета незрелой дыни.

— Мы поплывём на лодке? — простонал он. — В темноте?

— Ну нас ведь этим не испугаешь, правда? — сказал папа. — К тому же не забывайте, что среди нас есть настоящий морской скаут, да, Жан Б.?

Он приготовил жилет даже для Дика, хотя это было довольно бессмысленно, если учесть, сколько раз Дик убежал из дома, чтобы поплавать в море.

Набережная была освещена крошечными фонариками. Мы поднялись на борт яхты с энтузиазмом каторжников: на одном борту расположились младшие с мамой, а на другом, чтобы уравновесить лодку, — Жан В., Жан А. и я, самый крепкий в нашей семье.

Мама впервые в жизни ступила на борт «Морского волка», и лицо у неё сейчас было как у человека, перед которым поставили целую тарелку варёных зелёных овощей.

Папиной решимости это ничуть не поколебало.

— Отдать швартовы, юнги, — отдал папа приказ, когда все заняли свои места. — И вперёд к приключениям!

Стоя у штурвала с трубкой в зубах, он ловко лавировал среди пришвартованных яхт. Дик сидел на носу судна, втягивая носом влажный ночной воздух и восторженно таявая.

Было очень странно плыть вот так, в темноте. Небо над заливом было чёрным, море — цвета чернил. Мотор приговаривал «пых-пых-пых!», и, когда папа его отключил, наступила такая тишина, что слышно было, как стучат друг о друга зубы Жана Г.

— Тебе сто, страшно? — пошутил Жан Д.

Но, по правде сказать, немного страшно было нам всем. Я не знаю, почему этот образ возник у меня в голове, но ощущение было такое, как будто нас всех посадили в чёрный цилиндр фокусника.

К счастью, папа — очень хороший моряк.

— Ставь парус, мой дорогой Жан Б., а потом стягивай фок, — попросил он меня, как будто бы я был чемпионом мира по яхтенному спорту. — А вы, остальные, берегитесь гика: сегодня ветер не меньше шести баллов, не хотелось бы, чтобы вы все попадали в воду.

— Тебе не кажется, что мы отплыли уже достаточно далеко? — еле слышно спросила мама.

— Который час? — спросил папа, оставив мамин вопрос без ответа.

— Без семи минут полночь, — проговорил Жан А., постукивая зубами.

— Тогда курс на открытое море, — принял решение папа. — И пошире откройте глаза, дорогие дети. Скоро начнётся представление.

— Средствавление? — восторженно переспросил Жан Е. — Какое средствавление?

— А ночью можно подхватить цингу? — вдруг спохватился Жан В.

— Тишина на борту, — скомандовал папа. — Доверьтесь своему капитану.

Мы вышли из залива. Горизонт вдруг резко развернулся, и все мы изумлённо охнули: вдали мигали мириады сверкающих точек.

Оказывается, не мы одни вышли в эту ночь в открытое море. Мы угадали в далёких огнях фонари рыбацких лодок, ходовые огни парусников, круизные суда, украшенные разноцветными лампочками. Все они стояли без движения, как будто чего-то ждали.

Папа тоже положил нашу яхту в дрейф. Стало совсем тихо, только слышно было, как легонько плещется под нами волна. Даже Дик стоял на носу совершенно неподвижно: наострив уши, он пристально вглядывался в далёкий берег, и ноздри его трепетали от волнения.

Папа опустил на планширь и взял маму за руку.

— Ну что, мои дорогие Жаны? — сказал он. — Как вам мой маленький сюрприз?

Мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, и были, наверное, похожи на людей, спасённых из моря после кораблекрушения.

— Какой сюрприз? — пробормотали мы, постукивая зубами.

Но папа не собирался поддаваться нашему плохому настроению.

— Кто мне напомнит, какой сегодня день? — спросил он.

— Какая сегодня ночь, — поправил его Жан Г. и зевнул, не прикрыв рта рукой.

— Как угодно, — не стал спорить папа. — Ну так какой же?

— Пятнадцатое августа, — сердито ответил Жан А. — Впрочем, до шестнадцатого августа осталось всего тридцать се...

Он не успел договорить.

Первая ракета со свистом разорвала небо, и сразу же за ней последовала вторая, а за второй — третья. Началась оглушительная стрельба, небо на мгновение осветил сноп света — и тут же рассыпался на отдельные языки пламени, которые полетели вниз, подобно листьям огромной разноцветной пальмы.

— Атака подводной лодки! — пробормотал Жан А.

— Веерфьерк! — закричал Жан Е.

— Совершенно верно! — обрадовался папа. — Фейерверк! Большой салют пятнадцатого августа, который устраивают каждый год, запуская фейерверки прямо с кораблей, стоящих на рейде. Но вы ещё не видели самого большого представления!

Разинув рты, мы смотрели в ночь, которая потрескивала, как огромный костёр, у нас над головами. Ощущение было такое,

будто мы оказались посреди орудийной пальбы нескольких пиратских кораблей.

Пахло порохом, ракеты одна за другой летели в небо, они свистели, хрипели и разрывались высоко у нас над головами, рисуя в воздухе огромные цветы.

Каждый раз, когда вспыхивала очередная ракета, мы кричали все ввосьмером:

— О! Синяя! О! Красная!

Мама положила голову папе на плечо, лицо её светилось от восторга. Никогда бы не подумал, что она любит фейерверки, — ведь она терпеть не может наших петард и пистолетов с пистонами.

Только Дик после самой первой разорвавшейся ракеты сбежал в каюту и теперь сидел там и выл, как будто его режут.

Фейерверк продолжался не меньше получаса, а может, даже больше. Когда стоит такой грохот, не очень хорошо понимаешь, сколько времени прошло. Мы все как заворожённые смотрели в небо и так сильно вертелись по сторонам, боясь что-нибудь пропустить, что парусник наш опасно раскачивался.

Когда настало время заключительного залпа из всех орудий одновременно, можно было подумать, будто извергся вулкан! Струи лавы хлынули в небо и там разорвались с оглушительным треском.

— Ещё несколько таких взрывов, — проорал мне в ухо Жан А., — и мы все станем такими же глухими, как мадам Шварценбаум!

Но тут всё вдруг разом стихло, и о праздничных взрывах напоминали только последние разноцветные дымки, плывущие по небу.

— Всё? Фейервейер закончился? — огорчённо спросил Жан Е.

Глаза у него искрились так, как будто бы он только что залпом выпил три с половиной литра сладкой газировки.

— Не совсем, — ответил папа. — Остался последний штрих.

Он вслед за Диком нырнул в каюту и вернулся оттуда с сигнальной ракетой.

— Дорогой, ты уверен, что это следует делать? — беспокоилась мама, видя, как папа машет ракетой над головой.

— Не беспокойся! — сказал папа, вынимая чеку. — Это старая традиция у нас, моряков. Сейчас увидишь...

И в эту самую секунду дюжины других сигнальных ракет со всех сторон взмыли в небо. Каждая лодка запустила в воздух свою ракету, чтобы отпраздновать окончание салюта. Все они зигзагом метнулись вверх, как крошечные летящие звёзды, а потом со смешным пш-ш-шиком растворились в темноте.

После этого мы несколько минут сидели молча, не в силах произнести ни слова. С вытаращенными глазами, с раскрытыми ртами, наполовину оглохшие, как будто только что пережили землетрясение мощностью двадцать пять баллов.

— Ну что, мои дорогие Жаны, — сказал папа, снова берясь за штурвал. — Больше никто не будет жаловаться на то, что его подняли среди ночи?

— Было здорово! — ответили мы все хором.

— Особенно твой последний штрих, пап! — добавил Жан В.

— Ну что вы, — скромно бросил папа. — По сравнению с настоящим салютом это просто маленький несчастный пук!

Это папино сравнение нас очень развеселило.

— Всё равно! — сказал Жан А. с гордостью. — Я и не знал, что ты такой большой специалист по взрывам!

Папа несколько раз затыкнулся трубкой.

— Ну, — сказал он, — нужно всего лишь немного разбираться в пиротехнике, вот и всё.

— А что такое пиротехника? — спросил Жан Г.

— Хорошо бы нам поскорее вернуться домой — прежде чем мы все подхватили насморк, — сменила тему мама.

Было уже начало второго ночи, становилось холодно, и мама, похоже, не была сейчас настроена заниматься дальнейшим углублением наших познаний в области взрывчатых веществ.

Но папе во что бы то ни стало хотелось запечатлеть эту ночь 15 августа. Он привёз с собой «Кодак», заботливо упакованный в непромокаемую сумку. Когда мы все выбрались на сушу, он обратился к кому-то из людей, которые тоже возвращались с фейерверка, и попросил сфотографировать нас всех восьмерых.

— Всех девятиерых! — уточнил Жан В. — Ведь ещё есть Дик!

— Ты прав, — согласился папа. — Он теперь тоже член нашей семьи.

Папа минут пятнадцать объяснял этому типу, как работает вспышка и как соотносится скорость затвора с закрытием диафрагмы.

— Знаете что? — сказал несчастный тип, который уже начинал терять терпение. — Я сосчитаю до трёх, вы скажете: «Чи-и-из», и мы больше не будем об этом говорить, ладно?

— Ладно, — вздохнул папа. — Если бы я знал, я бы захватил с собой автоспуск...

Ночная фотография нашей семьи занимает в альбоме того года целую страницу.

Мы все выстроены на ней по росту и все одеты в одинаковые спасательные жилеты.

У Жана Е. во рту — сигнальный свисток, Жан Д. почти спит, Жан Г. и Жан В. пихаются локтями, а у Жана А. очки так сильно запотели, что кажется, будто его только что вместе со всей одеждой покрутили в сушилке для белья.

И только я один похож на настоящего боевого пловца, вернувшегося с подводного задания.

Папа и мама стоят в сторонке. Мама улыбается той прекрасной улыбкой, которая бывает у неё после удавшихся праздников,

но у папы раскрыт рот и брови подняты кверху, потому что он даёт последний совет типу, который нас фотографирует.

Дик стоит в первом ряду, навывтяжку, как идеальный сто-рожевой пёс, который охраняет всех нас.

А под фотографией папа, как обычно, приклеил бумажку с небольшим описанием. Для начала он указал дату: «15 августа 1972 года», а потом стал думать, что бы такого весёлого можно было там написать.

Поскольку ничего интересного он так и не придумал, он перепоручил это нам.

— Ну, что мы видим на этой фотографии? — спросили мы.

— Многодетную семью? — предположила мама.

— Полный комплект Жанов? — высказал свою догадку папа.

— Нет, гораздо лучше! — закричали мы все хором.

— Что же тогда? — спросили папа и мама, с удивлением глядя на нас.

— Шашлычок из редисок! — сказали мы.

Папа с мамой переглянулись.

— Шашлычок из редисок? — переспросил папа.

— Ну а почему бы и нет? — проговорила мама. — По-моему, нам очень подходит такое название.

— Итак, принято единогласно! — радостно заключил папа.

После этого он взял свою перьевую ручку, отвинтил колпачок и написал под фотографией: «Шашлычок из редисок», а мы стояли вокруг, согнувшись от смеха.

Нет, ну правда, разве это не самая лучшая подпись из всех, что встречаются в наших фотоальбомах?

Содержание

Загадочный снимок	5
Мы, Жаны	17
Морской бой	25
Олимпийские игры.....	31
Горнолыжный лагерь	39
Лечебник.....	51
День прививок	59
Морской волк	65
Семья растёт	77
Фенечка.....	91
Мы скучаем!	99
Шашлычок из редисок.....	113

Также читайте в серии «Приключения семейки из Шербура»

ОМЛЕТ С САХАРОМ

Для сред. шк. возраста : 6+

112 с. / ISBN 978-5-00083-210-3

Автор книги, которую вы держите в руках, француз Жан-Филипп Арру-Виньо — один из тех самых шести братьев Жанов, о которых пойдет речь. А еще точнее — Жан Б., второй по старшинству. С самого детства Арру-Виньо обожал читать. В 1984 году он опубликовал свой первый «взрослый» роман, за который получил премию «Лучший дебют», а через несколько лет выпустил вторую книгу — детскую. Сегодня Арру-Виньо, автор около тридцати книг, заведует отделом детской литературы в крупнейшем независимом французском издательстве «Галлимар». Свою серию «Приключения семейки из Шербура», столь любимую детьми и родителями во Франции, он создал

совместно с известным иллюстратором Доминик Корбасон, чьи работы можно увидеть на страницах таких журналов, как *Cosmopolitan*, *Madame Figaro* и *Vanity Fair*. По духу «Приключения семейки из Шербура» напоминают знаменитого «Малыша Николя» Рене Госинни и Жан-Жака Смпэ: герои «Семейки» — те же веселые, неугомонные мальчишки, которые так и норовят что-нибудь натворить. Серию открывает книга «Омлет с сахаром» (1999).

ЛЕТАЮЩИЙ СЫР

Для сред. шк. возраста : 6+

112 с. / ISBN 978-5-00083-211-0

Наступило лето, а значит, наших хороших знакомых — братьев Жанов и их родителей — ждут новые приключения. Летнее меню: переезд из родного Шербура, каникулы в деревне у бабушки и дедушки, рыбка по имени Суппозиторий, орава лопоухих кузенов Фугас, ну и, конечно, загадочный объект под названием «Летающий сыр». Тем, кто уже попробовал «Омлет с сахаром» и хочет еще чего-нибудь необычного, предлагаем насладиться «Летающим сыром» под соусом из тонкого юмора Арру-Виньо.

СУП ИЗ ЗОЛОТЫХ РЫБОК

Для сред. шк. возраста : 6+

104 с. / ISBN 978-5-00083-212-7

Уже знакомые нам по предыдущим книгам серии «Приключения семейки из Шербура» — «Омлету с сахаром» и «Летающему сыру» — братья Жаны и их родители переехали в Тулон. Папа, конечно, мастер на все руки, а у мамы всегда всё под контролем, но похоже, что год предстоит непростой. Еще бы, ведь Жан А. вместо подготовки к контрольной тайком собрался на вечеринку, Жан Б. вообще боится идти в новую школу, а вместе с Жаном В. они объявляют войну загадочным Касторам...

ШОКОЛАДНЫЕ КАНИКУЛЫ

Для сред. шк. возраста : 6+

56 с. / ISBN 978-5-00083-213-4

Этим летом уже знакомые нам по другим книгам серии «Приключения семейки из Шербура» братья Жаны отправляются на каникулы к морю, в отель «Алые скалы». В программе: секретная экспедиция по гостинице во время тихого часа, уникальное представление цирка «Пиполо», ну и, конечно, знаменитая велогонка «Тур де Франс», которую братья Жаны наконец-то увидят своими глазами. Опасные приключения, дикий смех и подушечные бои — каникулы обещают быть незабываемыми, особенно для родителей...

ВИШЕНКА НА ТОРТЕ

Для сред. шк. возраста : 6+
144 с. / ISBN 978-5-00083-214-1

Вам уже знакомы братья Жаны по предыдущим книгам серии «Приключения семейки из Шербурга»? Тогда вы уж точно знаете: когда в семье шестеро сыновей, о мире и спокойствии можно забыть навсегда. Особенно если двое из них еще и внезапно стали подростками. Старший Жан А. хочет быть кумиром молодежи, и теперь всей семье грозит нашествие «страшного и опасного вида человеческой расы» — девчонок. Насмотревшись на брата, Жан Б. поклялся никогда не влюбляться. Уж лучше стать морским скаутом! Вот только он еще не знает, что в скаутском отряде его ждет большой сюрприз... В общем, деваться от подросткового возраста совершенно некуда. И хотя у мамы всё всегда под контролем, а папа мастер на все руки и очень хороший врач, на этот раз уберечь Жанов у них не получится: в этом году семье предстоит узнать, что такое настоящая молодежная вечеринка...

ГОРОШИНА НА ШЕСТЕРЫХ

Для сред. шк. возраста : 6+
120 с. / ISBN 978-5-00083-493-0

Приключения в большой шербурской семейке возникают как-то сами собой, в ничего не предвещающих на первый взгляд обстоятельствах. Поход в библиотеку — чем не повод для детективного сюжета с элементами заговора? Тайная рукопись Жана Б. на раз-два провоцирует такую битву подушками и такое метание носков, каких эта детская комната прежде не видывала. Даже долгие зимние вечера — и те полны событий, открытий, вдохновляющих и счастливых моментов. Иначе и не может быть в семействе, где шестеро сыновей, каждого из шестерых мальчишек зовут Жаном, а папа — словно седьмой Жан-сорванец, пусть и чуть-чуть взрослее.

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону №436-ФЗ: 6+

Жан-Филипп АРРУ-ВИНЬО
Шашлычок из редисок.
Приключения семейки из Шербура

Иллюстрации Доминик Корбасон
Перевод с французского Ира Филиппова

Издатель Виталий Зюсько
Исполнительный директор Наталья Эйхвальд
Шеф-редактор Марина Кадетова
Ведущий редактор Ася Гасимова
Редактор Татьяна Бобрецова
Верстка Анастасия Колбина
Корректор Мария Ямбулат

Регистрационное свидетельство
№ 5087746578123 от 11.12.2008

ООО «Издательский дом «КомпасГид»
101000, Москва, Лубянский проезд, д. 5, стр. 1
Тел.: (499) 707-74-75
E-mail: book.kompasgid@gmail.com

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТД «Лабиринт»:
(495) 780-00-98; www.labyrinth.org

Книги «КомпасГид» в электронном виде вы можете приобрести на
www.litres.ru

www.kompasgid.ru
Ищите нас в социальных сетях:
www.facebook.com/kompasguide
www.vk.com/ph_kompasgid
www.instagram.com/kompasgid

Подписано в печать 14.02.2019.
Формат 70×90/16 (165×235 мм).
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,4.
Заказ № м7653.

Отпечатано в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»
ОАО «Издательство «Высшая школа». Российская Федерация,
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1. Тел.: +7(4812) 31-11-96.
Факс: +7(4812) 31-31-70. E-mail: spk@smolpk.ru <http://www.smolpk.ru>

Ежегодный
журнал

Каникулы мечты в Сен-Визьене

Ты будешь целиться или нет?

Таинственная гостья
Жана Б.

У нас переезд!

В муниципальном бассейне Шербура

Незабываемое Рождество

Кузены Фугас нас опять побаловали!

Маша новая машина!

Первое причастие
Жана А.

Зовите меня
Джон Эй.

К скоростному спуску готовы!

Золотая медаль по спуску
на подъёмнике...

Загадочный снимок

Суперпапа и Супермама

Сокровища средневековой Нормандии

Мадам Шварценбломбаум,
наша тугая на ухо соседка

Наш зверинец!

